

Лидия Чарская

Дурнушка

Лидия Алексеевна Чарская

Дурнушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635495

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

В повести рассказывается о некрасивой девушке, которой все же улыбнулось счастье быть любимой. Но сможет ли она сохранить его?

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	10
III	15
IV	19
V	23
VI	26
VII	29
VIII	34
IX	38
X	41
XI	47
XII	51
XIII	58
XIV	64
XV	68
XVI	74
XVII	79
Часть вторая	81
I	81
II	92
III	96
IV	99

V	101
VI	106
VII	110
VIII	118
IX	122
X	127
XI	130
XII	141
XIII	146
XIV	151
XV	155
XVI	160
XVII	162

Лидия Алексеевна Чарская

Дурнушка

Часть первая

I

Сегодня исполнился ровно год, как я вышла из института. Я проснулась утром со странным чувством ожидания: что должно было случиться нынче со мною? Ах, да! Мне минуло семнадцать лет. Возраст немаленький для молодой девушки.

Tante Lise, старая княжна Горянина, воспитывавшая меня со смерти отца, поздравила меня, и надела мне хорошенький медальон на шею, прелестную золотую вещицу, украшенную камнями.

– Вот, *chere* Тася, – сказала *ma tante*, – носите эту фамильную драгоценность. Она должна принести вам счастье.

Потом она спросила меня, намерена ли я продолжать писать свой дневник, как прежде.

– Разумеется, *ma tante*, – поспешила я ответить, – но только я не буду делать этого изо дня в день, как в ранней юности. Я стану отныне записывать только то, что случится со мною особенное, из ряда выходящее. Или мои впечатления,

а также то, что захватит мое внимание.

– Oh, ma chere, – улыбнулась тетья, – в таком случае, ваша тетрадь окажется совершенно пустой, так как в жизни светской барышни не должно происходить ничего особенного и ничего исключительного, чтобы могло выбить ее из колеи.

Вот взгляд моей тети: светскую барышню ничто не должно выбивать из колеи. Жизнь такой девицы, по ее мнению, это медленно, важно и гладко катящаяся по рельсам машина.

Но в таком случае, моя жизнь должна быть очень скучной, судя по словам тети. Посмотрим.

Сегодня мне особенно хочется записать некоторые впечатления.

С утра я надела мое белое платье, как и подобает новорожденной и долго смотрела на себя в зеркало.

Я очень дурна собою. Я почти безобразна, а между тем полна громадных запросов самолюбия и юных надежд на что-то светлое, чудесное, прекрасное.

Несмотря на всю несправедливость судьбы, обидевшей меня, так жестоко, создав некрасивой, я все же не теряю надежды, все же смутно предчувствую, что не все зиждится на красоте, что люди благоразумны, добры и способны оценить меня за одни мои душевные качества, забыв эту злосчастную внешность.

О, эта внешность!

Чем больше я на себя смотрю, тем больше мой вид раздражает меня.

Как-то недавно я видела пьесу, героиня которой выведена некрасивой... Она мучилась и терзалась не меньше меня. А зрители кашляли и сморкались, потому, что публика предпочитает блестящие костюмы и эффектную внешность глубокой философии, несущейся от рампы.

А я плакала... да, плакала, искренно жалея несчастную девушку и себя вместе с нею.

Между мною и героиней пьесы образовалась точно какая-то таинственная связь, доводившая меня до отчаянной грусти, смешанной с дозой некоторого умиления.

«Когда женщина некрасива, про нее говорят, что у нее умные глаза», – говорила девушка со сцены, заставляя биться и рыдать мое сердце.

Увы! я даже не могла и это сказать про себя, потому, что мои глаза, маленькие и узкие, как у калмычки, вечно пристыженные, вечно подозрительные и недобрые, не могли украсить мое лицо...

А, между тем, я сама добра по натуре. Я делаю много хорошего, не ставя себе этого в заслугу, потому, что не может быть и речи о заслуге, когда тобой руководит потребность. А у меня потребность делать добро.

Моя кузина, маленькая княжна Горянина, смеется надо мною:

«Наша Тася очень тщеславна. Ей хочется, во чтобы то ни стало, чтобы все ее любили».

И она тысячу раз права, хорошенькая Лили! Когда я даю

бедной измученной ревматизмами старухе теплую одежду и пакет с чаем и сахаром или одеваю на исхудалые ножонки малютки-нищей теплые мягкие валенки, мне кажется, что я читаю восторг по моему адресу в их загорающихся благодарностью взорах.

Мне кажется, что они забывают о моем уродстве и видят во мне желанную посланницу судьбы. И тогда сама я забываю о том, что нос мой слишком длинен и широк, рот велик, как у лягушонка, а глаза так малы и ничтожны, что в них трудно заметить какое бы то ни было выражение.

И я бываю очень счастлива в такие минуты.

Почему писатели всех стран и народов мира описывают и восхваляют только красоту?

Их героини всегда прекрасны и красивы... Фразы вроде того, как: «она была красавица в полном смысле слова», или «она была очень хорошенькая», или «отсутствие красоты заменяла в ней чрезвычайная миловидность», – неизбежное достояние каждого произведение. Почему некрасивым женщинам уделяют только второстепенное место в романе или повести? Они, как вторые сюжеты на сцене, появляются на мгновение и сейчас же исчезают. Точно читатели – это зрители, которых утомит слишком долгое присутствие некрасивого лица на страницах романа.

Да, и я не оспариваю мнение, сложившегося с веками: красота – великая сила.

Но какая красота? Разве душа не может быть красива,

прекрасна?! Во сто раз прекраснее лица!?

Сколько раз давала я себе слово похоронить все мои надежды на счастливое будущее, свыкнуться со скромной долей никому ненужной девушки и всю мою жизнь посвятить моим бедным, ничего не требуя, ни к чему не стремясь и ничего не жалея! А между тем мое сердце сладко сжимается, светлые грезы толпятся в голове и грудь ноет от смутного и неведомого предчувствия далекого, туманного счастья...

II

Вчера был вечер в доме моей родственницы. За мной захала со своей компаньонкой моя кузина Лили, прошлой весною окончившая институт вместе со мной.

Я не люблю входить в бальный зал рядом с нею. Лили красавица в полном смысле слова и этим как бы подчеркивает еще больше мое безобразие, когда мы бываем где-нибудь вдвоем.

Но tante Lise хотела, чтобы я выезжала с моей очаровательной кузиной и ее компаньонкой, и я поспешила исполнить волю тети.

На меня надели бальное платье, очень дорогое и очень скромное на взгляд. Tante Lise всегда старается одеть меня так: очень дорого и очень скромно.

Платье жало подмышками, но я боялась говорить об этом, потому, что портниха-француженка, то и дело сочувственно-насмешливо поглядывала на меня во все время примерки. Мне так и казалось, что вот-вот она скажет: «Rien ne peut aller a une personne, aussi laide que sa»¹. Но портниха ничего не говорила, потому, что брала сто рублей за фасон. Я напрасно боялась.

Когда Лили увидела меня всю в белом с веткой нарцисса на черных жестких волосах, она вскинула лорнетку на свой

¹ Никто не пойдет к такой некрасивой особе.

хорошенький носик, причем глаза ее сделались любопытными и круглыми, как у совы.

– Pas mal du tout,² – процедила она сквозь зубы в то время, как ее круглые глаза говорили:

«Можно ли быть настолько безобразной, бедная Тася!»

И тотчас она стала торопливо натягивать перчатки на свои точеные пальчики.

Я поспешила в прихожую, стараясь не поднимать глаз, чтобы, не поймать своего изображение в попадавшихся мне по пути зеркалах.

Бал у баронессы X. всегда считался лучшим балом сезона. Ее дом – один из первых домов в столице.

Когда мы вошли в зал, там собралось уже много гостей. Это меня порадовало. Я не люблю приезжать из первых, потому, что в маленьком обществе мои недостатки выступают рельефнее.

Нас встретила дочь хозяйки добрая, милая девушка баронесса Кити с поэтичным лицом Ундины и совершенно золотыми волосами. Она крепко пожала мне руку и выразила надежду, что я не буду скучать.

Но в этот вечер судьба мне решительно не благоприветствовала. Был ли тому виною нарядный костюм Лили, посланный на днях из Парижа, или ее задорное хорошенькое личико, но все внимание зала, когда мы входили, было обращено на нас.

² Совсем не дурно.

Поблудневшая под этим перекрестным огнем насмешливых и любопытных взглядов, пробиралась я, поминутно спотыкаясь о чужие шлейфы, в дальний уголок зала.

Здесь было меньше народа. И, спрятавшись за трельяжем, я могла, никем не замеченная, наблюдать за тем, что происходило кругом.

Это был чудесный бал. У нас в институте не было ничего подобного. Я не видела на наших казенных балах ни такого оживленья, ни таких роскошных костюмов. А музыка? Мне искренне казалось, что маленький человек, сидевший за роялем, играл, как Рубинштейн, все эти вальсы, мазурки и кадрили.

Обо мне все позабыли, и я могла спокойно наблюдать и за всем происходившим вокруг меня.

Вот несется Вива, брат Лили, красивый, нарядный паж, очень веселый и остроумный.

Он плавно кружится по паркету в такт чудной музыке со своей дамой – стройной, бледной девушкой баронессой Х.

Вот несется в вихре вальса с высоким офицером, его сестра, разгоревшаяся от танца, сияя светлыми глазками.

И я люблюсь ею и завидую ей.

Как я хотела бы иметь ее изящный облик, чтобы обладать правом нестись так, в вихре вальса, как беспечная птичка или мотылек.

– M-elle Natalie, вы не танцуете второй кадрили?

Я вздрагиваю от неожиданности. Передо мной Кити с доб-

рой улыбкой и веткою иммортели на темных волосах.

– Нет, – говорю я, и лицо мое выражает страдание.

Я постоянно страдаю, когда мне подводят кавалеров. Как-то раз, шутя и дурачась, Вива изображал в лицах, как любезная хозяйка дома чуть ли не насильно подводит кавалеров для некрасивых девиц, усевшихся вдоль стенок в балльной зале. Это было так забавно, что все смеялись, позабыв, очевидно, о моем присутствии.

Потом, когда опомнились, было уже поздно. Я рыдала навзрыд, а Вива, проклиная свою неосторожность, просил у меня прощение. Но исправить сделанное было нельзя.

С тех пор я смотрю на представляемого мне кавалера, как на своего личного врага, и тут же попутно негодую на tante Lise, заставляющей меня ездить по балам, которые я ненавижу.

И опять прежняя пытка.

Молоденькая баронесса подводит ко мне какого-то штатского со стеклышком в глазу и бриллиантовой булавкой, в модном галстуке.

– Enchnte, mademoiselle,³ – говорит он заученную фразу, но лицо его выражает при этом такое откровенное отчаяние, что, как мне не горько на душе, хочется смеяться.

И я желая быть доброй, спасаю штатского со стеклышком в глазу и бриллиантовой булавкой.

– Милая Кити, – говорю я молодой баронессе, – у меня

³ Я восхищен.

болит голова. Позвольте мне посидеть в вашем будуаре?

И, не дождавшись ее ответа, я извиняюсь перед моим кавалером, и выхожу из зала.

Не знаю, почудилось мне или нет, но из груди последнего, кажется вырвался вздох облегчения и понесся вдогонку за мною, как знак благодарности за доброе дело.

III

Будуар Кити полуосвещен. Маленький японский фонарик обливает мягким светом голубую комнатку, похожую на бон-боньерку, с трельяжами и козетками, всю утонувшую в коврах, картинах и гобеленах. Сюда смутно долетают отдаленные звуки музыки. На расстоянии поющая мелодия кажется милее и приятнее слуху. Голубоватый полумрак располагает к мечтательности. В подобные минуты я всегда вспоминаю моего отца.

Матери я не помню, она умерла, когда я была совсем крошкой.

Мой отец обожал мою мать и с ее смертью всю свою громадную любовь к ней перенес на меня.

Я помню его отлично. Он, как живой, стоит передо мною. Какое у него было всегда печальное лицо! Какие глаза, прекрасные и грустные в одно и то же время! Он был очень некрасив, мой бедный папа, но нимало не скорбел об этом.

– Мы дурны лицом с тобой, Тася, – часто говорил он мне, – так постараемся же быть добрыми!

Тут-то он и поселил в моем сердце эту великую любовь к меньшей братии. Он сам помогал ей, сам входил в нужды несчастных и, не состоя членом ни одного благотворительного учреждения, сделал столько добра людям, сколько все эти общества, вместе взятые, не могли бы сделать во все их

долгое существование.

Отец был очень богат. Но с его смертью все огромное состояние пошло на бедных, кроме ста тысяч, оставленных мне, согласно завещание покойного.

У меня при одном воспоминании об отце навертываются слезы на глаза и сердце наполняется сладкой тоскою.

Милый, дорогой папа, если б ты был жив, у меня была бы цель жизни – беречь и лелеять твою старость! Теперь она бесцельна, моя жизнь! Я прозябаю среди холодного общества, и только помощь бедным доставляет мне некоторое удовлетворение и примиряет меня с моей тяжелой долей.

Tante Lise печется и заботится обо мне, но я никак не могу привыкнуть к ее холодному тону настоящей светской дамы, хотя знаю, что она по-своему и любит меня.

В полутемном будуаре стало светло на мгновение, Дверь широко распахнулась и тотчас захлопнулась.

В комнату вошла Лили, с одной из своих светских приятельниц, миловидной барышней, очень нарядно одетой.

Она быстро окинула взором темные уголки будуара и, не заметя меня, притаившуюся в уголку, с тихим шаловливым смехом упала на кресло.

– Ах, как весело! Как весело! – лепетала она. – Какой чудесный бал сегодня!

– Вам и не может быть скучно ни на одном балу, – любезно произнесла ее собеседница, – вы такая изящная, хорошенькая, веселая. Все так охотно выбирают вас танцевать. Вы ца-

рица бала нынче и должны быть очень счастливы, Лили?

– Да. Я счастлива и обожаю жизнь. Люблю до безумия все эти балы, выезды, танцы. Ах, как весело, как приятно жить! Как приятно сознавать, что тебя любят, ты нравишься, что любят тебя. Я не знаю, что бы случилось со мною, если бы меня лишили всех этих веселых выездов. Право, мне кажется, что жизнь – это один сплошной праздник, такой приятный и веселый.

– Ну, положим не для всех, – выронила ее приятельница, – есть много людей, которым жизнь кажется печальными, серыми буднями.

– Вы говорите о бедных? – вскользь произнесла Лили, заглядывая в зеркало и поправляя прическу.

– Ну, и не все богатые бывают счастливы. Вот, например ваша кузина. Мне ее сердечно жаль!

– Какая кузина? – удивилась Лили.

– Да эта бедная дурнушка княжна Тася. Вот чья песенка спета, можно сказать!

– Да! Я ей удивляюсь, да и tante Lise тоже! К чему вывести несчастного ребенка? Каждый бал для нее – новый удар по самолюбию. Ведь с нею никто не танцует. Она так дурна и неуклюжа притом.

– Обладая такой внешностью, я, не долго думая, поступила бы в монастырь! – с большой убедительностью произнесла ее подруга. – Однако, пойдем в залу. Сейчас начнут котильон.

И они вышли из будуара, весело смеясь и болтая. А я сидела все на том же месте, уничтоженная, пришибленная в конец. Судьбе угодно было подчеркнуть еще раз мое несчастье. Да, они правы!

Я знала давно, что я дурнушка, и все это не было для меня новостью, но почему-то сегодня мне особенно больно было услышать об этом еще раз. Я только что успела забыться под звуки чудных бальных мелодий, при виде стольких нарядных красивых пар, искренно отдающихся веселью. И вдруг... новое неприятное напоминание. А что если и правда уйти в монастырь? Что если сделать это, отдав моим бедным в полное владение мое стотысячное приданое?

Увы! я для этого еще слишком молода. Я люблю природу, жизнь – как это ни странно, я, падчерица судьбы, и мне страшно подумать очутиться запертой в четырех стенах монастыря.

Я вышла с заплаканными глазами, с красными веками из будуара Кити и стала просить компаньонку Лили мисс Грей отвезти меня домой.

IV

Всю ночь я металась, как в лихорадке; мое лицо и тело горели, в голове стучало, а сердце так остро и часто сжималось, что мне казалось, вот-вот оно разорвется на тысячу частей.

Разговор Лили и ее подруги не выходил у меня из головы. Мне было обидно на судьбу до боли. И опять я завидовала Лили. Чтобы случилось со мною, если бы я очутилась в силу несбыточной случайности на месте Лили – такой хорошенькой, изящной и веселой?

С трудом я забылась на некоторое время и тут-то картины одна другой пленительнее представлялись моим глазам.

Я видела себя красавицей, окруженной толпой наперсниц, очаровательной сказочной принцессой. Я жила в роскошном дворце, гуляла по тенистому саду и толпа миловидных прислужниц смотрели мне в глаза, готовые предупредить малейшее мое желание.

И вот, мне докладывают о певце-чужестранце, пришедшем взглянуть на меня из далеких, далеких мест.

Он много слышал о моей красоте и о добром милосердном нраве и полюбил меня заочно, как далекую грезу своих дум.

И увидя меня, исполненный восторга запел в честь мою песню, чудесную песнь о своей любви.

Он сравнивал меня в этой песне и с алой розой, расцветшей на кусту, и с белой лебедью, плавающей по пруду, и с

золотою звездочкой на далеком небе.

И с каждым словом его песни, аккомпанируемой струнами лютни, что-то вливалось в мое сердце и заставляло его трепетать от счастья.

Да, я любила во сне моего певца! И когда он кончил свою песню, я протянула ему руки и усадила на трон рядом с собою.

И я выбрала его принцем той чудесной страны, которою владела.

Мои хорошенькие прислужницы поздравляли нас, танцевали на радостях и водили с пением хороводы.

А я и мой принц-жених сидели рядом любуясь друг другом и тихо беседовали о нашей любви и нашем счастье.

Серое утро чуть брезжило в узкую полоску между двух плохо сдвинутых половинок драпри, когда я проснулась.

Я не поняла с минуту, где я и что со мною... Безжалостная действительность перенесла меня снова в мое настоящее, серое и тоскливое, как это чуть брезжащее утро. Еще голова моя была полна чудесных образов только что виденного во сне, а сердце уже рвалось на части от острого прилива отчаяния. И вот, не отдавая себе отчета, я вскочила с постели и, как была, в одной сорочке, присела к письменному столу и стала заносить на чистые странички записной книжки мой чудесный сон в связи со вчерашней беседой моей кузины и ее подруги, мое печальное пробуждение, разбитые надежды, – словом, все, все испытанное мною в эти сутки. Не

переставая ни на минуту, дрожа от холода и волнения, я писала не отрываясь, не отводя воспаленных глаз с плавно текущих строчек.

Слово за словом, строка за строкою, лист за листом мелькают буквы дробного и красивого почерка, и через три-четыре часа усиленной работы моя повесть была готова.

Безотчетным движением руки, точно под чужим влиянием, поставила я в заглавной строке: «Сон девушки», и стала читать.

Что то донельзя правдивое, мощное, сильное и красивое полилось из моих уст. Я усилила голос и стала читать громче и громче. Невольный восторг охватил меня.

Да полно! Я ли это написала? Боже мой!

Эта чудесная, полная блеска и красоты, правдивая сказка, вызывающая жгучие слезы участие и восторженные порывы восхищение, была написана мною. Слезы брызнули из моих глаз. Я задыхалась.

Простая, несложная исповедь бедного некрасивого светского уroda, девушки, переживающей тяжелые годы в полном духовном одиночестве, но с горячими запросами жизни и розовыми надеждами, поддерживающими ее. И этой девушке снится сон, полный прелести счастья.

Этот сон, как по мановению волшебного жезла, превращает ее в красавицу, любимую и лелеемую всеми.

Но с первыми же минутами пробуждения она снова окунается в печальную действительность и переживает весь ужас

разочарования.

И все. Но это «все» прекрасно и это «все» было написано мною – бедной, ничтожной, дурнушкой, маленькой княжной Тасей!

Господь Великий и Милосердый! Ты не дал мне красоты, не дал счастья!.. Ужели же мне предстоит большее?.. Неужели в награду за все мои страдания Ты подарил меня лучшим сокровищем в мире – талантом, перед которым красота и богатство кажутся жалкими, ничтожными, пустыми звуками, и только...

V

– Что с вами, милая Natalie? У вас такое странное лицо!

Tante Lise, сухая и важная старуха, говорила «вы» решительно всем на свете, кроме своей старой камеристки, Вареньки, и не менее ее старой моське Женни.

Я посмотрела в зеркало.

Действительно, лицо мое пылало, а глаза разгорелись, как угольки. Но ни румянец, ни блеск глаз нимало не скрасили моих грубых черт, ни моей убийственной желтой кожи. Я еще не остыла от моего недавнего волнения, глаза не высохли от счастливых слез, вызванных действием неожиданного и сильного прилива вдохновения, когда я прерывающимся голосом прошептала, заикаясь и краснея:

– Я написала повесть!

Tante Lise не расслышала. Она собственноручно привязывала к ошейнику Женни серебряный колокольчик и, чуть-чуть повернув ко мне голову, проронила вопрошающе:

– Гм?..

Я должна была повторить.

Когда она, наконец, поняла меня, то удивленно приподняла брови и сказала спокойно:

– Очень мило. Вы прочтите мне ее после обеда.

Мне казалось, что это известие должно было поразить, ошеломить tante Lise. Тася – писательница! Тася написала

повесть! А вместо того какое-то тупое равнодушие в ответ.

– Вы прочтете ее мне, – и уже тоном приказания, переводя разговор на французский язык, чтобы не услышал лакей, подающий нам чай, tante Lise добавила, – только не болтайте об этом много, а главное, чтобы ни Лили, ни Вива не знали. . . Они будут смеяться. Писать повести это не наше с вами дело, милая Тася!

Боже мой! Не мое дело! А если я – талант, если то, что я написала, прекрасно? Если я дрожала и замирала от восторга при чтении написанного мною так же точно, как и при чтении великих писателей – Гоголя, Пушкина, Лермонтова и Толстого? Нет, не следовало мне говорить это tante Lise, она не поняла и не оценила меня и не может понять ничего, кроме своих интересов, накрепко замкнутых в тесный круг светской жизни! И сейчас, не остывшую еще от лихорадки первого творчества, она начинает забрасывать меня праздными вопросами по поводу вчерашнего вечера: много ли я танцевала? любезно ли относилась ко мне хозяйка дома и какие туалеты были на княгине Д. и баронессе Е.?

Мне становилось больно от ее вопросов. Мои мысли были полны «Сном девушки» и сама я витала так далеко от земли. Но я села подле tante Lise и дала ей подробный отчет о проведенном мною на балу вечере, стараясь, однако, не промолвиться о том, что все вальсы и даже грандиозный котильон, дирижируемый Вивой, я просидела в полуосвещенном будуаре молодой баронессы, никому не нужная и позабытая

ВСЕМИ.

VI

– Это написали вы? Судорога сжала мне горло, и я с трудом ответила:

– Да.

Маленький, подвижной и юркий старичок редактор недочерчиво повел на меня поверх очков своими быстрыми глазами и, положив руку на первый лист моей тщательно в третий раз переписанной рукописи, проговорил медленно, точно взвешивая каждое слово:

– Но вы и не подозреваете, мадемуазель, того, что вы написали что-то очень хорошее. Вы работаете давно?

– В первый раз.

– Как в первый раз? – приподнялся он на стуле.

– Я хотела сказать, что это моя первая повесть.

– Прекрасная вещь! Удивительно, что начинающая писательница, да притом еще такая юная, могла написать что-либо подобное. Мне остается поправить лишь некоторые технические стороны произведения, и только.

– Неужели же?.. – начала я дрожащим голосом.

– Вещь написана, если можно так выразиться, кровью и нервами... Тема тоже далеко не избитая, и мы охотно поместим ваш рассказ на страницах нашего журнала. Да, вам небезынтересно знать, конечно, условия гонорара? Мы платим по восемьдесят рублей за печатный лист. Эти условия

могут вас удовлетворить?

Я невольно улыбнулась.

– Мне не надо гонорара, – произнесла я, мучительно краснея. – Я богата, отдайте мой гонорар нуждающимся.

– Этого нельзя, – улыбнулся в свою очередь, старик-редактор, и его лицо стало отечески-ласковым и добрым. – Вы можете это сделать сами, но редакция не смеет эксплуатировать труд своих сотрудников.

– Хорошо, – прервала я его, тут же решив вырученные деньги отдать моим бедным.

Первый успех вскружил мне голову. Я не помню, как я вышла из кабинета редактора, куда попала под видом прогулки, в сопровождении Вареньки, ждавшей меня на подъезде редакции, как прошла мимо маленьких клетушек с письменными столами, за решетчатыми стенками которых сидело и писало до десятка мужчин и женщин разных видов и возрастов.

– Что то пело и ликовало внутри меня.

– Я – талант! – тихонько произносили мои губы. – Я – талант! Я написала вещь, которая «прекрасна», которая вылилась «нервами и кровью» и которую прочтет вся Россия, прочтут tante Lise, Лили, и Вива, может быть, наравне с другими первоклассными писателями, печатающими статьи и рассказы на столбцах этого толстого журнала. И это написала я, бедная дурнушка Тася, с длинным носом и огромным ртом! И читая мою повесть, мой чудесный любимый «Сон девуш-

ки», они, эти люди, забудут, что я безобразна, и увидят во мне новую красоту, с которой не сравнится никакая красота в мире... Я талантлива!..

VII

«Сон девушки» вышел в свет в январской книжке толстого журнала.

Я не помнила себя от восторга.

Княжна Тася Горянина спряталась под псевдонимом «Подснежника», но все узнали, по милости Лили, кто автор интересной повести. Tante Lise в первую минуту пришла в ужас. На ее взгляд каждая писательница должна быть очень крикливой, обладать дурными манерами, грязными ногтями, стриженной головой, и курить папироски. Она со страхом приглядывалась к моим рукам и облегченно вздыхала, заметя, что мои пальцы по прежнему чистоплотны, а волосы уложены в строгую и скромную прическу.

Старая княжна, по-видимому, примирилась с печальной необходимостью иметь внучкой писательницу, но ставила мне лишь в условие отнюдь не затрагивать великосветских сфер в моих будущих произведениях.

– Больше из мира фантазий и сказок выбирайте себе сюжеты, – советовала мне tante Lise.

Приезжала Лили, нарядная, красивенькая и веселая, как птичка, и, насмешливо щуря свои круглые глазки, хвалила мою повесть. Она, очевидно, пробежала ее, как легкую безделку, и ничего особенного в ней, разумеется, не заметила. Остальные мои приятельницы тоже.

Только одна златокудрая баронесса Кити сочувственно и печально улыбнулась, пожимая мне руку.

Эта поняла меня, поняла, что «Сон девушки» – не простой рассказ, а правда, выхваченная из жизни, и я почувствовала невольную благодарность и симпатию к милой девушке.

Когда вторично я приехала в редакцию, уже по вызову самого редактора, для получения гонорара, прежней трусости и робости во мне не осталось и следа. Проходя мимо клеточек, за решетками которых работали молодые, пожилые и старые люди, мужчины и женщины, я уже не опускала глаз, как раньше. Напротив, я твердо и смело отвечала на недоумевающие и любопытные взгляды и глаза мои говорили за меня:

«Ну да, я и есть „Подснежник“, написавший мою прекрасную повесть, которой восхищаются теперь, может быть, вся Россия и восхищались, конечно, и вы все, только не смейте мне высказать это».

Старик-редактор был не один. Спиной к огромному окну, сплошь заваленному разными изданиями, стоял еще молодой человек, с красивым нервным, несколько усталым лицом и черной вьющейся бородкой.

У него были прекрасные, смелые, открытые глаза, глядевшие, казалось, в самую душу. От таких глаз ничего не скроешь, они созданы, чтобы видеть правду и ложь.

Когда я вошла, оба собеседника сразу умолкли. В руках молодого человека была книжка журнала, открытая на пер-

вой странице моего рассказа.

«Значит, они говорили о моей повести!» – вихрем пронеслось в моей голове и я мучительно покраснела.

– А-а! весьма кстати! – ласково приветствовал меня, как старую знакомую, редактор. – Садитесь, княжна, гостьей будете, – шутливо добавил он и придвинул мне кресло. – Ну-с, как вы себя чувствуете, молодая писательница? Сколько раз прочли ваш «Сон девушки» в печатном виде?

– Нет, – солгала я храбро, чтобы не показаться слишком глупой в глазах незнакомого молодого человека, – я не успела еще его прочесть.

А сама, по крайней мере, раз десять подряд пробежала мою повесть в первый же день ее выхода из печати.

– Напрасно, – улыбнулся редактор, не поверив мне, конечно, ни на минуту. – А вот Сергей Вадимыч, – он чуть-чуть кивнул в сторону незнакомца, – читал, два раза читал и специально пожаловал к нам затем, чтобы узнать имя автора. Но мы скромны и немы, как рыбы, – шутил старик, – имя автора, скрывающегося под псевдонимом, – тайна редакции!.. Творец «Сна девушки» – некий «Подснежник», и этого вполне достаточно для любопытных читателей.

Я метнула незаметно взгляд в сторону молодого человека.

Он был серьезен. Его прекрасные глаза смотрели поверх моей собольей шапочки, но я чувствовала и сознавала, что он видит меня, не глядя на мое лицо, и мысль обо мне как об авторе «Сна девушки» гнездится в этой красивой голове.

Наступило томительное молчание. Редактор понял мою неловкость в присутствии незнакомого третьего лица и поторопился представить мне молодого человека. Слегка протянув правую руку в его сторону, он проговорил, старательно отчеканивая слова:

– Сергей Вадимович Водов.

Водов? Где я слышала эту фамилию? Решительно не помню, но она мне знакома и хорошо знакома – это я поняла сразу.

Я молча ответила на его почтительный, даже слишком почтительный, как мне показалось, поклон. Он же, бросив две-три незначащие фразы редактору, вышел из кабинета, поклонившись мне вторично.

– Кто это? – не утерпела я не спросить.

– Разве не знаете? Стыдитесь, княжна! Это новое восходящее светило на нашем литературном небе: писатель Водов.

– Писатель?

– Да, беллетрист, но и поэт отчасти.

Поэт? Теперь я вспомнила о нем. Стихи Водова мне попадались часто в разных периодических изданиях. Одно из них я помнила отлично – это было дивное описание итальянской ночи, с прекрасными лагунами и темным небом. Старая тема, но выраженная так жизненно, с такой блестящею красотою и яркостью красок, что, казалось, строки мелодичных куплетов и звонкие рифмы стиха были пропитаны знойной венецианской красавицей природой.

– Так это Водов, автор «Ночи в лагунах», – протянула я не то радостно, не то удивленно и, прежде чем редактор успел мне ответить, продекламировала первый куплет.

– Как, вы даже знаете наизусть? – удивился он. – Непременно поздравлю Сергея Вадимовича с новой почитательницей его музыки, да еще такой талантливой, как вы!

– Нет, нет, не говорите! – испугалась я.

Мне живо представились насмешливо вскинутые на меня, жалкую дурнушку, глаза поэта.

И всю дорогу от редакции до дома я, помимо воли, не переставала думать о талантливом человеке со смелыми черными глазами, обладающем таким огромным талантом.

VIII

Как-то раз, гуляя по набережной, в сопровождении неизменной Вареньки, заменявшей мне компаньонку, я встретила Водова. Он шел быстро и легко, свободной молодой походкой. Увидя меня, он тотчас же прибавил шага и подошел ко мне просто, как к старой знакомой.

– Здравствуйте, – чуть-чуть приподняв круглую меховую шапочку, произнес он.

Я смутилась. Смутилась, во-первых, потому, что не ожидала его увидеть, а во-вторых, от присутствия Вареньки, удивленно вскинувшей на незнакомого ей господина свои подслеповатые глазки. Но отступить было поздно. Водов освободил свою правую руку от теплой перчатки и протянул ее мне.

Я робко подала свою.

– Славный день, – проговорил он и пошел рядом со мною, стараясь соразмерить свои шаги с моими.

На набережной было много знакомых, проезжающих в экипажах и прогуливающих по гранитным плитам берега, и все они, как мне, по крайней мере, казалось, и мужчины, и дамы, с одинаковым изумлением поглядывали на меня и незнакомого им моего спутника.

Сначала я смущалась и краснела ежеминутно, но Водов сумел заставить меня позабыть и о праздной толпе, и о до-

саждающих взглядах, просто сказав:

– Я прочел вашу повесть.

– И? – замирая от волнения, спросила я.

– И... не поверил, что это написали вы, – в тон мне отвечал он с улыбкой.

– Но почему?

– Во-первых, простите, но в ней не видно молодости... Такую вещь должен был бы написать очень долго проживший на белом свете и много горя видевший от жизни человек. Каждая строка в нем, в вашем «Сне девушки», дышит правдой, но такой болезненной, такой вымученной правдой, которую трудно ждать от такого ребенка, как вы. И потом, многие штрихи так яркие и сильные, что повесть производит сильное впечатление.

– Но уверяю вас, – рассмеялась я невольно моему оправданию, – эта вещь написана мною!

– Верю и радуюсь! Ваш «Сон» – вещь далеко не обыкновенная, к тому же талантливая... Предсказываю вам, со временем вы будете большая знаменитость.

Он улыбнулся, но глаза его были серьезны, почти строги. У меня захватило дыхание.

– А мне чуть ли не запретили писать, – через минутное молчание пожаловалась я.

– Кто?

– Близкие... Tante Lise, моя воспитательница.

– Вы сирота?

– Да.

– И богатая сирота, потому что отказывались от гонора-ра, как мне передавал редактор, – и глаза его насмешливо сощурились.

– Ну, да, – пробормотала я, – мне казалось, что есть много людей... писателей... нуждающихся, бедных, которым нужны деньги, а я, вполне обеспеченная, слишком даже, отби-ваю у них заработок.

– Вот вы какая добрая! – улыбнулся Водов. – У нас редко кто заботится о других. Потому-то и нет настоящего счастья на свете. Люди завидуя друг другу, теснят один другого, мешают жить друг другу. А между тем мир велик и места, и дела всем хватит. Если бы я писал так молодо, свежо и сильно, как вы написали ваш «Сон девушки», я был бы очень счаст-лив.

– Но вы так чудесно пишете сами! Вы написали такую чуд-ную вещь! – искренне вырвалось у меня.

– Какую?

– «Ночь в лагунах».

– Э, полноте, это слабейшая... Я не профессиональный поэт, я романист. Ну, так, видите ли, я пишу много и пишу сильно и хорошо. Я это и сам чувствую, чувствуют и другие. А знаете ли почему? Я пишу тогда только, когда мне хочется, когда нахлынет волна вдохновенья и нет сил с нею справиться, когда душа ноет и томится от чего-то неясного и ожидая чего-то хорошего, светлого, крупного!

Он говорил горячо, взволнованно. Его глаза блестели ярче.

«Зачем он говорит мне все это, со второй встречи знакомства? И что может быть общего между мною и им?»

– Сергей Вадимович, – начала я нерешительно, – зачем вы мне это говорите?

Он посмотрел на меня недоумевающе, как бы проснувшись и увидя меня впервые.

– Зачем, – переспросил он как бы бессознательно и после минуты молчания добавил, – право, не знаю, но мне показалось, княжна, что вы лучше, нежели кто-либо другой, поймете меня, потому что вы такая светлая и чистая душа, такая чуткая и хорошая! Очень хорошая! – подтвердил он серьезно.

Мое сердце забилося радостно.

Ведь вот же нашелся человек, заметивший мою душу, несмотря на мое уродство! И я почти счастливая вернулась домой.

IX

Тася, ты знакома с Водовым? – спросила как-то Лили, захав ко мне перед уроком верховой езды, который она брала в манеже.

– Почем ты знаешь?

– Тебя видели разговаривающей с ним на набережной, не помню кто, кажется, Вива. Но не в этом дело... Видишь ли, Тася, татап устраивает музыкально-вокальный вечер на днях в пользу бедных. И ей хочется, чтобы на нем участвовал Водов, он очень хорошо читает стихи. Мама и я желали бы, чтобы он прочел что-нибудь... Это в пользу приютов. Мы не знакомы с ним; напиши ему ты от имени мамы.

– Но, Лили, – искренне возмутилась я, – ведь нельзя же его нанимать, как тапера!

– Вот глупости! Никто его и не собирается нанимать, дурочка, он должен быть очень счастлив, мы делаем ему честь, приглашая его на наш великосветский вечер. Наконец, ему заплатят за это!

– Но ты пойми, Лили, Водов ничего не возьмет, ему и предлагать нелепо...

– Да ты и не предлагай. Просто попроси его участвовать... Ведь это для бедных.

– Ну, и участвуй сама, – почему-то обиделась я, – а беспокоить знакомого мне человека, да еще с таким большим име-

нем – не рискну. Попроси тетю написать ему. Мне неловко.

– Ну-ну, милая Тася, – залепетала она, обнимая меня и целуя нежно. – Пожалуйста! Сделай это для меня и для мамы. Очень, очень прошу тебя! – и она ласково трепала меня по щеке душистой ручкой и умильно, по-кошачьи, заглядывала мне в глаза.

Лили была красива, так красива, что отказать ей не было никакой возможности. Я смотрела в ее прелестное лицо восторженными глазами и тут же обещала ей написать Водову во что бы то ни стало.

К тому же ведь и для меня его присутствие было бы далеко не безразлично. Последнее время я только и думала о нем.

Прошло две недели с нашей встречи на набережной, но вся она до малейших подробностей оставалась в моей голове. Я была теперь бесконечно благодарна ему за его сердечную беседу. Еще бы! Ведь, никто еще, кроме покойного отца, не говорил так со мною! Все люди – и молодые, и старые – не могли не смотреть на меня с откровенной жалостью или некоторым любопытством. А этот, красивый, добрый, талантливый и лучший, может быть, из людей человек, отличил меня, заглянув мне в душу. Свободно и просто, как с товарищем, поделился он со мною своим настроением. И при этом не было ничего обидного в его глазах, смотревших на меня просто и серьезно. Я часто замечала, как преувеличенно быстро бросалась наша светская молодежь оказывать мне ничтожные услуги: поднять уроненный мною пла-

ток или подставить стул. Они старались как будто доказать этим, что ничуть не замечают моего отличия от светских красавиц, и тем только еще более подчеркивали мое безобразие.

Однако, я позабыла о том, что я дурнушка, в ту минуту, когда писала на изящном листке, украшенном гербом князей Горяниных, записку Водову по просьбе Лили.

Ответа я не получила, только, заехав как-то к старику-редактору, я услышала от него, что Водов будет читать на вечере кузины.

X

Концерт моей второй тетки, жены моего родного дяди, и матери княжны Лили удался на славу.

Большой зал собрания был переполнен самой изысканной публикой столицы. Тут и там между тюлевыми и газовыми, залитыми пальетками и золотом туалетами мелькали не менее их нарядные и блестящие мундиры. Сдержанный говор и запах дорогих духов парили в воздухе.

Кузен Вива со значком распорядителя на плече встретил нас у входа и, подав руку tante Lise, провел ее в первый ряд кресел. Тетя не хотела отказать себе в удовольствии посмотреть на свою племянницу и любимицу Лили, подвигающуюся в этот вечер на эстраде в качестве актрисы-любительницы.

– *Voyons! voyons!*⁴ – твердила она поминутно, величественно кивая направо и налево своим многочисленным знакомым.

Я, уничтоженная, по обыкновению, одним видом моего бального туалета, еще более подчеркивающего безобразие лица и фигуры, сидела с опущенными глазами, стараясь не смотреть и не видеть всей этой нарядной и чуждой мне толпы. В то время, как я смущенно теребила длинные концы шелкового пояса, кто-то неслышно подошел ко мне, встал перед моим креслом и произнес, протягивая руку:

⁴ Посмотрим! Посмотрим!

– Простите, что я не ответил вам письменно, а передал через третье лицо о том, что выступлю в качестве декламатора на вашем вечере. Но у меня были на то особые причины. Мы поговорим о них после, а теперь не будете ли добры представить меня княжне, вашей тетушке.

Я угадала, чей это был голос, не поднимая глаз на говорившего. Я не посмела взглянуть ему в глаза, потому что радость, охватившая меня, непонятная мне самой, радость от одного его присутствия в этом зале, была слишком очевидна на моем лице. И я машинально исполнила желание Водова, представив его tante Lise.

– Я читаю в последнем отделении концерта, – сказал он, – а пока, если позволите, посижу с вами.

С этими словами он непринужденно опустился на соседнее не занятое рядом со мной кресло. Тетя, занятая в это время разговором с женою знакомого консула, ответила на почтительный поклон представленного ей мною Водова и тотчас же возвратилась к прерванной беседе.

– Благодарю вас, что не отказались читать в этом концерте, – проговорила я, решившись, наконец, взглянуть на моего соседа.

Он был в изящном фраке с широким вырезом на груди и нарциссом в петличке. Его добрые черные глаза ласково-дружески смотрели на меня, как бы ободряя.

– Что вы хотели мне сказать по поводу моего приглашения? – спросила я, помолчав немного.

– То есть вы хотите знать, иначе, – рассмеялся он, – почему я не ответил вам на вашу записку письменно?

– Ну, да, – не могла я не улыбнуться и тотчас же сделала испуганное лицо, зная, что улыбка мне не идет вовсе.

– Видите ли, княжна, – начал он серьезно, – я не писал вам ничего, потому что хотел сказать вам слишком много. Постараюсь быть кратким и точным, насколько умею... Вы и эта великосветская забава – хотя бы в пользу бедных – что у вас общего? Я не понимаю благодетельствовать беднякам таким образом. Ведь тут играет большую роль само развлечение, а не желание помочь беднякам. Ведь устройство такого концерта возьмет немало денег, а не лучше ли было бы эти деньги просто собрать среди богатых добрых жертвователей и передать их бедным людям. А тут устраивается концерт, на котором веселятся сами благотворители, совершенно позабыв в эти минуты о цели этого концерта. Я знаю, что вы поняли меня. Вы не от мира сего, княжна, вы не подходите к ним, к этой среде. Девушка, написавшая такую вещь, как ваш «Сон», не может быть заурядным светским созданием. Вы обладаете талантом, поднимающим вас выше этой толпы, – и он небрежным и красивым движением головы обвел зал.

Точно душистый фимиам потянулся ко мне со всех сторон и окутал меня своим благовонным туманом. Я слушала Водова, не смея поднять глаза, боясь встретить насмешливую улыбку соседей... И боялась совершенно напрасно, потому что все взгляды были обращены на эстраду.

Там, entre les deux paravents,⁵ среди корзин с живыми цветами должна была сейчас разыгаться веселенькая светская безделка одного из модных французских авторов. Оркестр проиграл прелестный вальс, последнюю новость сезона, и Лили неожиданно вбежала на эстраду.

Ее чуть-чуть загримировали ради условий эстрады, и она казалась прехорошенькой девочкой. Костюм субретки удивительно шел к ее типу: коротенькая юбочка обнажала стройные ножки в туго натянутых шелковых чулках. Белый чепчик, изящно наколотый поверх пышной прически, удивительно красил ее головку. Играла она очень мило, стараясь подражать какой-то актрисе, виденной ею не раз во французском театре. Все это было ново и забавно, и ей усиленно аплодировали, особенно из первых рядов, где сидели наши родственники и знакомые.

Наконец, Лили и Кити, изображавшая хозяйку Лили по пьесе, ушли с эстрады под гром неистощаемых аплодисментов.

Их сменила приглашенная певица, потом артист, игравший на скрипке и, наконец, очень талантливая пианистка, игрою которой и закончилось первое отделение.

В антракте Водов извинился и покинул свое место рядом со мною. К нам стали подходить наши многочисленные знакомые и завязался обычный пустой светский разговор, к которому я все еще не могу привыкнуть, как это ни странно.

⁵ Между двумя ширмами.

Началось второе отделение концерта, и Водов вышел на эстраду.

Не знаю почему, но сердце мое дрогнуло.

Он обвел публику спокойным взглядом и начал свою декламацию.

Это были стихи, которых я не встречала еще в печати, очевидно, не выпущенные в свет, чудесные и мелодичные, как музыка.

В них говорилось о том, как молодой поэт читал свою поэму во дворце короля. Вокруг него толпятся вельможи и рыцари. Прекрасные дамы, в драгоценных уборах, дарят ему свои улыбки. Сам король, маститый старец, сходит с трона, чтобы воздать должное молодому артисту. Но он ничего не видит, ничего не слышит. Ему не нужно похвал нарядной толпы, не нужно льстивых улыбок холодных красавиц... В самом отдаленном углу зала сидит его дорогая. На ней нет драгоценного убора, ни нарядного платья, но ее приговор дороже ему и милее льстивых речей первых красавиц королевства. Она поймет его поэму лучше всей этой суетливой и льстивой толпы, потому что сама она слагает песни, любимая музами не менее самого поэта. Он пробирается к ней через шумную толпу гостей, берет ее за руку и говорит ей, что она – избранница его сердца...

Водов кончил, а я все сидела, как приговоренная к смерти, боясь вникнуть в смысл только что прочитанного, боясь поверить своему счастью.

Эти звонкие рифмы, эта неподражаемая мелодия стиха посвящались мне. Нельзя было не понять, что тема схвачена не из мира фантазии, что Водов применил свое произведение или написал его, может быть, даже в честь новой зарождающейся между нами дружбы. Поэт, читающий в королевском дворце, – он сам, скромная девушка, любимая музами, – я.

Это ясно и понятно, как Божий день! Но чем? чем я заслужила такое счастье? Господь Великий и Милостивый, да неужели же, неужели же я могла произвести впечатление на этого талантливоего человека?

В зале неистово аплодировали. Водов кланялся направо и налево с гордым достоинством, свойственным только избалованным судьбою людям. Я взглянула на него и вспыхнула до корней волос ярким румянцем смущения. Они, эти прекрасные глаза, смотрели мне прямо в зрачки с освещенной эстрады, а слегка побледневшие от волнения губы чуть заметно улыбались мне, только одной мне.

В эту ночь я не смыкала глаз до рассвета. Я горячо молилась и благодарила судьбу. Я, религиозная по натуре (мой отец внушил мне с первых лет детства любовь к Богу), и в дни скорбей и радостей всегда обращалась к Великому помощнику. Молитва подкрепила меня. Тихое счастье обвеяло меня своими крыльями. Мне казалось, что жизнь прекрасна, когда есть в мире человек, который ценит меня.

XI

На днях приезжал с визитом Водов. Я забыла сказать, что тетя в вечер концерта пригласила его к нам.

Приехал неожиданно, в то время, когда я меньше всего думала о нем. Я сидела одна в маленькой приемной, с томиком Тургенева в руках, в ожидании Лили, обещавшей захватить за мною для прогулки со своей компаньонкой.

Едва лакей успел доложить о нем, как он уже был подле меня. Я скорее почувствовала его, нежели увидела. Он внес с собой струю морозного воздуха и какую-то особенную бодрость.

– Как только княжна, ваша тетушка, позвала меня, к вам я, как видите, сразу воспользовался ее приглашением, – первое, что сказал он, пожимая мою руку.

Я стояла потерянная, сконфуженная, забыв обязанности хозяйки, выронив томик Тургенева из своих дрожащих рук. Водов поднял книгу и положил ее на стол, все еще не сводя с меня взора.

И вдруг точно что подтолкнуло меня. Сделав над собою невероятное усилие, я отбросила досадное смущение и спросила:

– Сергей Вадимович, ведь то стихотворение, которое вы читали с эстрады три дня тому назад, посвящено...

– Вам, – договорил он просто.

Лица его я не видела, потому что опустила ресницы, чтобы не выдать выражение глубокого счастья, охватившего меня в эту минуту и отразившегося в моих глазах.

– Оно было посвящено вам как творцу «Сна девушки», восходящему светилу и будущей яркой звездочке на нашем литературном горизонте, – сказал он и низко, почтительно склонился передо мною.

Что-то дрогнуло внутри меня. Так вот оно что! Он интересуется не мною лично, а тем дарованием, которое угадывает во мне! И сердце мое больно сжалось от разочарование и стыда, но лишь на одну минуту.

«А разве всех других девушек не любят за что-то? – стараюсь себя успокоить, рассуждала я, – одних за доброту, других за ум, третьих за красоту и грацию? Разве можно полюбить ничтожество? Нет, нет! Если суждено мне быть хоть крошечку любимой им, этим бесконечно милым человеком, пусть он любит за талант или за что другое, не все ли равно – лишь бы любил, лишь бы ценил и уважал меня, как друг, как брат, как товарищ».

Я подняла глаза и тотчас же поймала его направленный к моему лицу взгляд.

– Ну, а если вы ошибаетесь в моем даровании? – тихо, но твердо обратилась я к нему.

Он усмехнулся.

– Я, ведь, кроме «Сна девушки», ничего не написала! – продолжала я, ободренная его молчанием.

– И этого достаточно, – подхватил он быстро. – Вы знаете, знаменитый Лесков написал свою первую повесть тридцати лет от роду, княжна, а вам нет еще и восемнадцати...

– Но мне кажется почему-то, что я не напишу больше. Вот уж месяц не могу себя принудить взяться за перо.

– Вздор, я сам не пишу целыми годами. Долгое бездействие способствует только развитию таланта. Вы не отчаивайтесь, сам Пушкин, говорят, месяцами ничего не делал...

– Боже, какие сравнения! – не могла не улыбнуться я.

Он взял мою руку и, серьезно заглянув в мои глаза, сказал:

– Я твердо верю в ваш талант, княжна! Одна ласточка не делает весны, это правда; один «Сон девушки» не может еще дать вам громкую славу и литературное имя. Но благое начало положено, и я верю не только в это благое начало, но и в дальнейшее процветание вашего дарования...

Он хотел, казалось, сказать еще многое, но вошла tante Lise и разговор принял совсем другое направление.

Сергей Вадимович сразу сумел понравиться тете. Требовательная и предубежденная против него, как против каждого человека не своего круга, смотревшая на него несколько свысока, tante Lise скоро, однако, позабыла об этом.

С каждой новой фразой, исходившей из уст Водова, морщинки на лице старой княжны разглаживались, и что-то похожее на улыбку мелькнуло на ее губах.

Водов происходил из старой дворянской семьи, когда-то очень богатой. Он часто бывал за границей и умел мастерски

передавать свои впечатление. Tante Lise, не выезжавшая в продолжении целых десятков лет из России, страшно интересовалась Европой, преимущественно Швейцарией и Италией, где прошла ее юность, где осталось у нее много молодых воспоминаний.

Визит Водова был, может быть, более продолжителен, нежели того требовало светское приличие, но такого невольного промаха не поставили на этот раз в вину молодому человеку.

– Il tres distingue, tres comme il faut,⁶ – сказала tante Lise по его уходе. – Tres distingue, qui! И совсем из нашего круга, – подтвердила она еще раз, покидая гостиную.

А я, как была, так и осталась на своем месте. Его откровенная речь не могла не взволновать меня... Я верила, что Водов относится ко мне исключительно, в силу ли сочувствия к моему печальному положению, или же из уважение к новому зарождавшемуся таланту, я не знала, но я верила в его симпатию, твердо верила, и в то же время сердце мое сжималось от тоски. Не того жаждала моя молодая душа. Симпатизируй он мне просто, как молодой девушке впечатлительной, умной, доброй и чуткой и я была бы бесконечно счастливее, нежели теперь, когда он ждал от меня блеска, славы и ему нравился во мне уже этот будущий блеск, созданный его воображением.

⁶ Он весьма изящен, весьма приличен.

XII

Сергей Вадимович заехал к нам вскоре как-то опять. Tante Lise лежала с сильнейшим приступом невралгии и не могла выйти к гостю, предоставив мне занимать его.

Водов был очень рассеян в это свидание.

– Вы больны? – сочувственно спросила я, поглядывая на его осунувшееся лицо и желтые пятна на матовых, без признака румянца, щеках.

– И да, и нет, если хотите, – ответил он уклончиво и подняв на меня глаза, пояснил, – я болен мыслью, если так можно выразиться, Наталья Николаевна.

Он в первый раз называл меня так. Постоянное прибавление моего титула как-то сухо звучало в его устах. Я взглянула на него благодарными глазами и робко попросила:

– Поделитесь со мною вашей болезнью.

– Спасибо, – с мимолетной улыбкой бросил он. – Видите ли, княжна...

– Наталья Николаевна, – поправила я его.

– Наталья Николаевна, – повторил он послушно и снова улыбнулся своей милой улыбкой, – меня преследует мысль о моем бессилии. Я не удовлетворен ведением дела журналов и изданий. Мои вещи сейчас принимаются в силу того только, что «они» ожидают от меня в недалеком будущем более усидчивого труда и тщательной отделки. Такие оговорки мне

несносны. Я пишу давно и много, мне тридцать четыре года и в эти годы уже, согласитесь сами, неприятно получать замечания от людей, менее меня знающих в деле и сильных только силою своего материального могущества, позволяющего им быть хозяевами над тем, что вести другим бывает иногда недоступно. И тогда я начинаю раздражаться, приходится в ужас. И весь мой ужас только в том, что я бессилен, т. е. беден.

– Вы бедны? – удивилась я.

– Ну, относительно, конечно: для того, что хочу предпринять, беден... Покойная мать оставила мне прекрасное имение под Курском. Доходами с него я и живу. Гонорар периодических изданий – случайные полочки, и на них рассчитывать нельзя... Я вам говорю все это потому, княжна, что не считаю вас бездушной светской куклой в тесном смысле этого слова.

«Ну, да, – мысленно горько произнесла я, – ты мне приписываешь душевные достоинства потому, что наружные отсутствуют в моей особе».

– Я говорю с вами как с товарищем, – продолжал, между тем, Водов, – с другом, способным понять и оценить меня... Мы ведь с вами друзья, не правда ли, княжна?

И он протянул мне обе руки через маленький столик, за которым я сидела, и я не могла не положить в них своих. Он тихонько их пожал по очереди одну за другою, и, задержав немного, выпустил.

Потом он снова заговорил быстро и пылко, с чисто юношеским задором. Он говорил о том, как тяжело ему бывает подчас; что он если б у него была возможность, открыл бы собственное издание, свой собственный идеальный журнал, где бы сотрудники, молодые, сильные духом и талантом, могли бы работать по собственному произволу, не стесняясь никакими рамками условности... Писали то, что хотели и могли писать...

Он говорил горячо, убедительно, увлекаясь, как поэт. Видно было, что над этой мыслью задумывался он подолгу, что это – его больное место, его рана, которая не заживет до тех пор, пока не осуществится его заветное желание. Он заметно волновался и, казалось, позабыл о том, что слушательница его – самая ничтожная молодая девушка, бессильная, в силу своей неопытности, помочь ему советом... Он ходил большими шагами по гостиной, с разгоревшимися глазами и щеками, пылавшими румянцем и говорил, говорил без умолку. Потом он вдруг внезапно остановился передо мною.

– А для вас нашлось бы у меня лучшее место в моем издании, – обратился Водов ко мне. – Ваш молодой талант развился бы на свободе, не задавленный, не стесненный ничем! И как бы я был счастлив этим!

Мне безумно хотелось видеть его счастливым... я смотрела в его пылающее лицо, слушала мощную, вдохновенную речь и мучилась бессилием помочь чем-либо.

И вдруг яркая, как огонь, мысль прожгла мой мозг;

невольная радость, почти восторг охватил меня: я нашла ему выход.

– Сергей Вадимович, – начала я робко, или не я, вернее, а что-то внутри меня, руководившее мною помимо моей воли, – постараемся осуществить вашу идею вашего идеального журнала. Я богата, у меня есть сто тысяч моих собственных денег, оставленных мне покойным дядей, которыми я, вопреки принятым условиям, могу пользоваться с шестнадцати лет. Возьмите часть их на ваше дело и пусть это дело будет нашим общим... Хотите? Да? Я поговорю с tante Lise. Ваш труд... а мои...

Я не договорила и ужасно мучительно покраснела от смущения и страха. Мне казалось, что вот-вот он гордо и презрительно отклонит мое предложение, оскорбленный моим непрошеным вмешательством. Но ничего подобного не случилось. Водов только взглянул на меня пристально, странным, рассеянным взглядом, точно не дослышал моих слов, и, проведя рукою по своему изжелта-белому лбу, как бы отгоняя докучную мысль, сказал без малейшей тени волнения и обиды:

– Да... да... Но об этом надо еще подумать... если позволите, мы поговорим как-нибудь еще раз, княжна...

И как-то поспешно поклонившись, он поторопился уйти. Мне сделалось тяжело и неловко. Мое предложение сорвалось помимо воли, так внезапно, и теперь я каялась в моей неуместной поспешности. Меня крайне удивило и то, как

просто отнесся к этому Водов. Не могли также не изумлять меня и его странная рассеянность, и поспешный уход.

Со дня моего нелепого, как мне теперь казалось, предложения, сделанного мною Водову, я не видела Сергея Вадимовича и болезненно томилась о том, что невольно оскорбила его.

Теперь моя жизнь казалась мне снова пустой и бесцветной. Нашелся смысл у нее, менее всего ожидаемый мною, и исчез, блеснул радостный луч в лице милого человека и погас. Но расстаться с мыслью о нем я не могла. Увидеть еще раз Сергея Вадимовича, вылить всю свою душу перед ним, рассеять мои сомнения – вот чего я смутно и горячо хотела. А сомнений набралось так много! Со времени появления в печати «Сна девушки» я ничего не могла писать. Горячая, непобедимая волна, захлестнувшая меня в ночь моего первого творчества, отхлынула от меня далеко-далеко! Желанный порыв вдохновения остыл, казалось, навсегда. Перо валялось из рук... Мысль только и работала в одном направлении: увидеть его хотя раз, услышать его голос, вот и все, что я так жаждала сейчас.

Всю меня заполняло теперь захватившее меня врасплох и неожиданно подкравшееся ко мне новое чувство. Я полюбила. Полюбила талантливого, благородного и великодушного человека. Полюбила всей душой.

Я отлично понимала, что с моим безобразием надо быть чем-либо выдающимся, из ряда вон выходящим, чтобы за-

ставить полюбить также себя. К тому же сам Водов ясно высказался, что преклоняется передо мною как перед талантом, который, развившись и вылившись в определенную форму, поставит меня на желанную высоту.

«Одна ласточка не делает весны», «один „Сон девушки“ не даст имени», – вспоминались мне поминутно его слова. Но, что было делать, если голова моя не рождала новых мыслей, сердце не трепетало от приближения уже знакомого мне сладкого волнения, а перо застывало в моих слабых пальцах, казавшихся мне теперь такими ненужными и бесполезными. Невольная злость к самой себе охватила меня. И ко всему этому примешивалось еще мучительное, нестерпимое желание быть достойной внимания дорогого человека, оправдать его доверие, Доказать ему, что я действительно что-то представляю из себя. Я никогда не молилась так горячо и так много, как в эти дни.

– Господи, – шептала я с убеждением, что моя молитва должна быть услышана небом, – Господи, помоги мне его увидеть, только увидеть! Господи!

Об издании «идеального журнала» я уже не думала больше. Если бы даже tante Lise, моя опекунша и дала бы мне на наше предприятие все мое приданое, то гордый и шепетильный Водов вряд ли принял бы от меня эту жертву. Я отлично сознавала, что его рассеянный ответ в наше последнее свидание нельзя было принять за согласие. Я не могла вполне поручиться даже, расслышал ли он меня как следует в ту

минуту или нет...

XIII

Так вот оно какое! Вот что называется счастьем, неожиданным, необъятным, могучим!

Прошло много дней с того знаменательного вечера, а я все еще не могу опомниться от счастья, не могу прийти в себя и проснуться от своего чарующего сна!

Как это случилось?.. Ни я, никто из моих не ждали этого, а, между тем, никто и не удивился событию, точно в нем не было ничего удивительного, точно так должно было быть и не могло быть иначе! Только я одна не могла свыкнуться с мыслью, не могла поверить странной действительности. Неожиданная радость, почти граничащая со страхом, заполнила меня, как бы пересоздала все мое существо на новый лад.

Я стала невестой Водова.

Это совершилось, точно во сне.

В субботу мы с tante Lise, Лили и Вивой были в опере.

Совсем неожиданно в нашу ложу вошел Водов. Из театра tante Lise пригласила его пить чай к нам. Приехали к нам и Лили с Вивой.

После ужина Вива сел за рояль и стал копировать пение оперной примадонны. Это было очень забавно.

Мы искренно смеялись. Смеялся и Водов, причем лицо его, немного суровое и холодное, делалось добродушным и

милым, как у ребенка.

Я была счастлива уже тем, что он не обиделся на меня, что он приехал к нам для меня одной, может быть. И это меня радовало не мало. Щеки мои горели, глаза блестели, как никогда. Я минутами даже забывала о моем безобразии, и вся моя душа тянулась к нему, и я поминутно взглядывала на него, милого, дорогого, хорошего, бесконечно мне дорогого.

У меня было так светло и хорошо на душе в этот вечер, что невольно хотелось что-нибудь сделать для окружающих, чтобы так же хорошо было и всем.

Tante Lise расспрашивала о чем-то Лили в столовой.

Вива наигрывал что-то на рояле.

Я и Водов ходили по гостиной.

– Теперь и мы можем говорить на свободе, – улыбнулся мне Водов, не сводивший с меня во весь вечер пристального взгляда, несказанно смущавшего меня.

– Что же вы хотели сказать мне? – спросила я не совсем твердо, встречаясь с ним глазами.

– Многое, княжна, и это многое, предупреждаю, удивит вас. Помните, в последний раз я говорил вам, что мне не хватает материальной силы осуществить заветную мечту – издание того «идеального журнала» – в которую я посвятил вас, говорил о ней с вами, как с товарищем-другом, братом по искусству, а не со светской барышней? Наталья Николаевна, – серьезно, почти строго подчеркнул он и, когда я молча сочувственно кивнула ему головою, он продолжал, –

вы были так отзывчивы и чутки, что предложили мне свою помощь, выступив наравне со мной инициатором дела. Значит, вы верите в него? Верите и в меня, почти незнакомого вам человека?.. Ответьте мне, княжна, верите ли вы в меня, в мой талант, в мои силы?

Что я могла ему ответить! Я мало думала о самом журнале. Все мои мысли кружились только вокруг самого Водова. Его идея уже была мне симпатична в силу того, что он сам так увлекался ею. Как же он мог спрашивать меня, сомневаться в моей вере в него, в его талант и силы!

– Конечно, верю! – вырвалось невольно из моей груди, и лицо мое, вероятно, выражало в эту минуту столько искренней готовности быть ему полезной, что он почтительно склонился к моей руке и в первый раз в жизни я ощутила на моих пальцах поцелуй постороннего человека...

Огромное чувство радости охватило меня. Водов, между тем, продолжал свою речь, не выпуская моих пальцев из своей руки.

– Вы верите в меня и в мое дело, друг мой княжна, а я верю в ваш талант, верю в то, что автор «Сна девушки» станет некогда великим, что им будут гордиться, что он приобретет крупную литературную славу!

– Хорошо, если бы это было так! – тихо проронила я, сияя от счастья.

Водов все еще не выпускал моей руки.

– Это будет так, это должно быть так, княжна! – подхва-

тил он. – В вас я не мог ошибиться! Слишком своеобразно, слишком ярко выразилось ваше дарование... Теперь, – задумавшись на минуту, сказал он, – послушайте, что я скажу вам. Вы девушка, и светская девушка вдобавок; вас держат, как птенчика в вате, и не дают возможности узнать истинную жизнь с ее горестями, радостями, поэзией и прозой. Вы не имеете понятия, какова она на самом деле, эта жизнь!.. Мне же стукнуло тридцать четыре года... не велики годы, как видите, но, Боже мой, сколько пережитого осталось за мною! сколько радостного и печального позади меня! сколько драмы! Да, именно жизненной драмы. Мы были очень богаты сначала, потом почти разорились. Я пережил много, пока не вышел на дорогу, пока не стал зарабатывать так удачно своим искусством; но большие заботы, печали, удары судьбы наложили на меня свою беспощадную руку и я уже не мог остаться тем свежим, жизнерадостным человеком, каким был раньше. Вы читали мой рассказ «Светоч»? Там это ясно и хорошо выражено. Оттого-то, должно быть, теперь я и не могу поступить так, как хотел бы. Хочу и не могу. Я встретил девушку, вы ее знаете хорошо, княжна, молодую, восприимчивую, сильную духом и... и очень талантливую. В ее душе есть много сродного с моею. Я хотел бы сказать ей просто от души: «Полюби меня, отогрей меня своей родственною лаской, освети меня отблеском своего молодого дарования, приди ко мне с горячим дружеским участием и предложением трудиться, работать совместно и рука об руку идти

по жизненной тропе...» А что такая девушка может мне ответить на это? Как вы думаете, княжна? «Ты берешь, – скажет она, – мой талант, мои силы, а взамен не дашь мне того молодого счастья, о котором я мечтала». Так ли говорю я, Наталья Николаевна? так ли ответит мне та девушка, к которой я стремлюсь всей моей душой?

– Нет, не так! – почти крикнула я, будучи не в силах сдержать свой порыв, то краснея, то бледнея под наплывом охватившего меня чувства какой-то мучительной и сладкой тоски, – не так ответит вам эта девушка, не так! Вот как она скажет вам: «Берите мой талант, если он только не продукт вашей фантазии, мое сердце, мои силы, всю мою душу, если они нужны вам для вашего дела, для вашей жизни, для вашей цели...» Она, эта девушка, нужна вам – значит, дорога... И она счастлива этим.

Я едва слушала и верила самой себе... Куда делась моя робость, моя приниженность? Новая княжна Тася высказывала новые, неведомые до сей поры ее существу мысли! Точно я выросла в эти короткие минуты, точно спала с меня ненужная, фальшивая маска, и я появилась в новом свете, улучшенная и скрашенная в моих собственных глазах.

Водов посмотрел на меня серьезным и долгим взглядом без улыбки, без слова, точно в первые видел мое безобразное лицо с длинным носом и большим ртом.

– Да, да, я гадка, я безобразна, но я чувствую, может быть, глубже и больше ваших блестящих красавиц, – в припадке

внезапно нахлынувшего на меня отчаяния вскрикнула я, и слезы брызнули из моих глаз.

Тут только он очнулся.

– Не то! не то! – быстро заговорил он, мгновенно вспыхнув яркой краской, залившей его лицо. – Вы знаете мое мнение о красоте. Мой кругозор по этому вопросу яснее и шире, чем вы думаете! Нет, – тут он нервным движением руки откинул со лба набежавшие пряди волос и проговорил ласково и нежно, как не говорил еще никогда со мною, – меня пугает то, что я не сумею отплатить ей, этой девушке, за все ее добрые чувства, княжна Наташа!

«Наташа!» Он меня назвал так, как никто не называл никогда в моей жизни. Это имя, принадлежащее мне, но чуждое для меня до сих пор, получило особенную прелесть в его устах. Чем-то детским, милым и далеким повеяло разом от этих звуков. Мне захотелось вдруг почему-то горячей материнской ласки и колыбельной песни, которую – увы! – мне не пришлось никогда слышать.

С влажными от слез глазами и побледневшим лицом подвинулась я к нему и прошептала чуть внятно:

– Ей ничего не надо... никакой награды. Если можно только... любите ее... любите... меня... немножко... – и я закрыла лицо руками, сгорая от стыда и муки.

– Я уже люблю вас, – услышала я так близко около себя его шепот, что у меня захватило дух от смущения и неожиданности. – Я вижу сам, что люблю вас, милая девушка...

XIV

Я переживала новую эпоху своей жизни. Точно не я сама испытывала ее, не княжна Тася Горянина была счастливой невестой любимого человека, а совсем другое обновленное и оживленное молодое существо... Я точно обезумела от счастья с минуты объяснения Сергея. «Сергей!» Как мило, близко и дорого стало мне это имя! Я повторяла его про себя и вслух по несколько десятков раз в сутки. «Мой Сергей, мой дорогой Сергей, мой любимый!»

Я засыпала с этим именем на устах и просыпалась с мыслью о том, что я его увижу, моего жениха, сегодня, скоро-скоро!

Tante Lise, без малейшего колебания, вопреки моим предположениям, давшая мне свое согласие на брак с Водовым, не могла не удивляться, глядя на мое счастливое и, как мне самой даже казалось, похорошевшее от счастья лицо...

– Дитя мое, – после официально сделанного мне Водовым через нее предложения, говорила она, – вы знаете, какое великое назначение женщины – быть женою и матерью. Ваша покойная мама оставила вас рано сиротою, Тася, и я считаю своим священным долгом объяснить вам за нее вашу новую, далеко не легкую задачу.

И она говорила, говорила мне об обязанностях, выпадавших на долю девушки, вступающей в брак. Я внимательно

смотрела в ее глаза, стараясь не пропустить ни одного слова, и каждое ее слово западало мне в душу; а между тем мысль моя в это время создавала мне милый образ любимого человека, и думала я только о нем.

Когда раздался знакомый звонок и входил лакей, неслышно скользя по ковру гостиной, с докладом об его приезде, tante Lise встречала моего жениха с любезной улыбкой. И она сумела оценить этого прекрасного человека и верила, что я, ее племянница, буду счастлива с ним.

Оставшись наедине с Сергеем, мы говорили без умолку и большею частью о нашем будущем журнале, о нашем «детиче», как он называл его. Он, увлекающийся и вечно забегающий вперед, с присущей ему богатой дозой фантазии, видел свое издание как бы существующим на самом деле и старался представить его мне возможно нагляднее и яснее.

Но я ничего не понимала. Я слушала нежные звуки его голоса, любовалась его нервным, взволнованным лицом, и была счастлива, как никогда в моей жизни, и чуть не плача, отрывалась от наших бесед, когда Варенька приходила звать меня к примерке неизбежного в таких случаях приданого.

Взволнованная, радостная бежала я к м-ме Люси, толстой француженке с вычурною прической.

– En voici des echantillons de la robe de chambre, mademoiselle. Le quel en preferet vous?⁷ – с самую обворожительную улыбкою предлагала она мне кусочки тканей неж-

⁷ Вот образчики на халат, мадемуазель. Которое вам больше нравится?

нейших голубых и розовых оттенков.

В другое время я ужаснулась бы при виде этих светлых бросающихся в глаза тряпок. Голубое или розовое *matine* для меня, Таси Горяниной, с моим некрасивым лицом! Но теперь мне было как-то безразлично до всего, что не касалось моего счастья.

«Ведь если он любит меня, – думалось мне, – то уж во всяком случае, не за мою внешность. И буду я лучше или хуже того, чем я есть, он отнесся бы ко мне с одинаковым участием и добротой».

Я торопливо примеривала шерстяные и шелковые лифы, почти не замечая того, что на меня надевали, горя желанием покончить возможно скорее со всем этим неизбежным злом и возвратиться туда, в мою уютную маленькую гостиную, где он меня ждал, ходя из угла в угол своими легкими шагами.

– Ну, что, покончили с важными делами? – шутя встречал он меня.

– Скучно это! – жаловалась я.

– Но неизбежно! Что делать! Нам не пересоздать старых привычек, накопившихся за сотни лет.

Свадьбу назначили на последние дни масленицы, потому что Сергей хотел познакомить меня с деревенскою весною у себя в имении, куда мы должны были уехать после венца.

Теперь к нам часто приезжали мои подруги, т. е., нет, не подруги (подруг у меня никогда не было), а те светские ба-рышши, которые выезжали со мною в одно время и считались

моими сверстницами по бальным и концертным залам. Все они любезно улыбались мне, поздравляли меня с помолвкой и откровенно восхищались талантом моего жениха.

Приехала прелестная баронесса Кити.

– Я рада за вас, милая Тася, – просто и задумчиво сказала она, лаская меня своим серьезным и чистым взглядом. – Вы мне так нравитесь, мы должны подружиться. Хотите?

И я подружилась с ней. Малейшая ласка подкупала меня, далеко не избалованную дружеским сочувствием. Участием же со стороны Кити я дорожила в особенности. Она так мало походила на холодных чересчур деланных светских кукол.

Лили – та просто прыгала вокруг меня, как птичка и переворачивала вверх дном весь мой приданный гардероб. Словом, все были довольны предстоящей свадьбой.

XV

– Так вот как, Наташа! Вы оказываетесь настоящим ангелом! Совершенно случайно я узнал о ваших подвигах... совершенно случайно! Вы сами не хотели поделиться ими со мною, недобрая! – говорил Сергей, захватив за мною, чтобы увезти меня на обычную прогулку.

Tante Lise разрешала нам кататься часок-другой по шумным петербургским улицам.

Я не поняла в первую минуту, о чем говорит Сергей...

Тогда, взяв мои руки в свои, он передал мне то, что узнал из уст Лили о моей благотворительной деятельности.

– Отчего вы мне не говорили об этом, Наташа? – с ласковым укором спросил он.

– Зачем же мне было распространяться на эту тему? – несколько смущенно оправдывалась я. – Ведь мои рассказы могли быть приняты за самохвальство! Я этого не хотела.

– Знаете, Наташа, – чистосердечным порывом вырвалось из его груди, – чем больше я узнаю вас, тем больше убеждаюсь, что приобрел с вашей рукою сокровище, которое вряд ли заслуживаю...

– Вы?

Вероятно, мое чувство к нему было слишком очевидно, слишком наглядно выразилось оно в этом восторженном «вы», потому что все лицо его вдруг осветилось и он сказал,

неволью понижая голос от охватившего его волнения:

– Как вы добры, Наташа, и как бы я хотел быть таким же добрым, как вы!

В тот же день вечером, узнав, что я собираюсь в сопровождении Вареньки объезжать бедных, он выпросил позволения у tante Lise заменить собою мою компаньонку.

Получив ее согласие, мы обрадовались, как дети. Быстро накинула я нарядную плюшевую, отороченную соболями шубку, такую же шапочку и, едва удерживаясь от обуявшего меня счастливого беспричинного смеха, сбежала вниз. Щегольские санки Водова ждали нас у подъезда. Сергей помог мне усесться, заботливо запахнул медвежью полость и сев рядом, повернул ко мне смеющееся лицо:

– Куда же?

Я назвала улицу, находившуюся на самой окраине города. Кучер, такой же молодой и жизнерадостный, как и мы сами, с особенным удовольствием подобрал вожжи и, лихо прикрикнув, пустил лошадь быстрой рысью по мягкой и рыхлой зимней дороге.

Чудный зимний, студеный, несмотря на февраль месяц, вечер сиял золотыми звездами и сверкающе белою фатою снега, отливавшего в лучах месяца миллиардами огней.

Я смотрела в опрокинутый над моей головою светозарный купол и думала о капризных случайностях судьбы.

«Вот, – неволью приходило мне в голову, – несколько месяцев тому назад я ездил по той же дороге, к тем же бед-

ным, в сопровождении Вареньки, одинокая, сиротливая, никому не нужная, несмотря на все мои достоинства, восхваляемые людьми. А теперь все изменилось...» Я уже не прежняя одинокая Тася, проклиная десятки раз в день свое безобразие. Точно в волшебной сказке, появился на пути моем давно всем моим существом ожидаемый прекрасный и добрый принц.

И этот «принц» любит меня; я это видела и по нежной ласке, льющейся мягким светом из его глаз. И в звуках его милого голоса было столько доброго участия, столько беспредельной готовности сделать меня счастливой! Как он мог полюбить меня, такую, как я есмь, я не могла уяснить себе, но тем не менее, он любил меня. Сергей часто говорил мне, что я моими душевными качествами напоминаю ему его мать, умершую, когда он был ребенком; говорил, что между нами есть много родственного; он даже иногда называл меня своей младшей сестричкой.

– Разве мы – не брат и сестра, породненные одною целью, Наташа? – говорил он, – разве великое искусство – не наша общая мать?

Да, да, он был прав, тысячу раз прав.

Что-то родственное, трогательное незаметно влилось в наши взаимные отношения.

И теперь, несясь стрелою в маленьких саночках по ровной дороге на самую дальнюю окраину Петербургской стороны, я вся была полна этим моим убеждением.

– Вам не холодно, Наташа? – наклонился он ко мне, как раз в ту минуту, когда моя голова была полна мыслью о нем.

– Нет, нет, благодарю вас! Мне так хорошо!

Сани остановились перед домом, где ютилась семья бедной больной вдовы чиновника, Осиповой, моей главной клиентки.

Около двух лет не вставала она с постели, прикованная к ней острыми припадками ревматизма. С нею жили двое малолетних мальчиков, ее сыновей, по седьмому и по восьмому году, и взрослая дочь, молодая, двадцатилетняя девушка.

Они все были дома, в маленькой комнатке, которую я нанимала для них. Молодая девушка только что вернулась от портнихи, куда ходила по моей же протекции учиться кройке и шитью. Мальчуганы тоже были налицо. И все это при моем внезапном появлении ринулось мне навстречу, радуясь и ликуя, говоря разом в одно время, лоя и целуя мои зазябшие руки.

Мне было очень неловко перед Сергеем за эту, как мне казалось, аффектированную встречу, а между тем где-то в самой глубине сердца затеплился огонек невольного тщеславия и удовлетворенной гордости.

«Смотри, – казалось, говорил мой внутренний голос скромно отошедшему в сторону Сергею, – ты видишь, эти люди любят и знают меня. Ты не ошибся во мне, они могут подтвердить тебе это. Я добра и милосердна, и ты можешь гордиться мною».

И тут же я краснела от стыда за мои, как мне казалось, безобразные мысли. Я пришла бы в ужас, если бы кто прочел их на моем лице!

«Да разве эта доброта и это милосердие являлись не вследствие того только что я – дурнушка? – скептически обуздывала я тут же мои тщеславные порывы. – Если бы я была хороша собою, уделяла ли бы я столько времени и денег этим беднякам? Разве не удовлетворяло меня сознание моего тщеславия, глупого тщеславия, быть милосердной, не будучи красивой, и этим хотя бы зарекомендовать себя в глазах людей? Разве не это же глупое тщеславие руководило моими добрыми порывами?»

Но, Боже мой, как удивились мои бедные люди, когда я сказала им о моей помолвке.

– Знаете, я – невеста, – шепнула я, точно стыдясь, почти на ухо больной, в то время как Сергей занялся мальчуганами. Этого она никак не ожидала.

В первую минуту моего появления в обществе красивого и элегантного спутника она не спускала с него недоумевающих глаз.

Когда Осипова выслушала ошеломившую ее новость, я жадно впиалась в ее глаза глазами, как бы боясь пропустить произведенное этим на нее впечатление. Мне казалось, что мое известие должно поразить ее. Слишком дурна и незначительна была я, чтобы обладать таким счастьем.

Но я ошиблась.

– Дай Бог! Дай Бог вам счастья, золотая наша княжна! – заговорила она, улыбаясь и плача в одно и то же время. – Молитва ваша услышана: послал вам Господь счастье! Заслужили вы его вполне, святая вы наша! Божий вы ангел! – заключила она, почти с восторгом глядя мне в лицо.

Подбежала и дочь ее, сероглазая девушка с бледным, истощенным лицом и обняла меня от всего сердца.

Сергей стоял тут же и смотрел на эту сцену очень внимательно и очень серьезно.

От Осиповых мы проехали к другим беднякам. И всюду меня встречали с тем же светлым радостным чувством.

На обратном пути мы долго молчали.

Уже около самого дома, выпуская меня из саней, мой жених проговорил, с особенною нежностью целуя мою руку:

– Так вот вы какая, Наташа! Ото всех и каждого я только и слышал о том, что вы – девушка редкой доброты... Сегодня я убедился в этом воочию. Вы ангел, Наташа, вы не от мира сего, я вам говорил это уже тысячу раз. И если бы вы знали, что с сегодняшнего дня вы стали для меня еще дороже, еще милее... Я вас люблю, люблю... Наташа, крепко люблю...

XVI

Через две недели мы венчались.

Я мало сознавала окружающее. Какой-то не то сон, не то туман окружал меня своей непроницаемой пеленою, застилая от меня весь остальной мир. Я двигалась и говорила, как заведенная машина. Безотчетно-покорно отдавалась я в распоряжение парикмахера, водрузившего на моей голове сложную фантастическую прическу. С такую же безотчетную покорностью, по настоянию tante Lise, в силу нашего русского обычая, протянула я ноги преклонившему передо мною колена моему шаферу Виве, с тем, чтобы он надел на меня белые венчальные туфельки со вложенными в них блестящими золотыми монетами. В том же тумане подчинялась я ловким и быстрым рукам неизбежной мадам Люси, заканчивающей последние штрихи на моем венчальном наряде, и, когда, наконец, мои невольные мучители выпустили меня на свободу, я вдоволь могла насмотреться на мою преобразившуюся особу. Белое платье, как это ни странно, скрадывало на сколько можно, мое безобразие, высокая и пышная прическа с красивыми ondulations⁸ по обе стороны ровного, как ниточка, пробора и небрежно накинутые волны легкой, как дым, фаты, окруженной венком fleur d'orange'a,⁹ делали ме-

⁸ Завивка.

⁹ Апельсиновых цветов.

ня много лучше обыкновенного. По крайней мере, так находили Лили и Кити, помогавшие мне одеваться к венцу.

– Elle est dans son avantage,¹⁰ – согласилась и tante Lise, а Кити молча крепко обняла меня и поцеловала.

Милая Кити! Я особенно полюбила ее в эти дни. Накануне, вечером, она сидела у меня. Мы с нею долго говорили по душе. Кити всегда сочувственно относилась ко мне, теперь же в ней проснулась какая-то особая заботливость и ласка к сиротке Тасе.

– Как грустно, что у вас нет матери, – говорила она, – замужество для нас, девушек, самый важный шаг в жизни, и так, должно быть, горько не видеть в такие значительные минуты жизни такого близкого и дорогого существа! Верьте мне, что я сочувствую вам всею душою, дорогая Тася!

Помогая мне сегодня одеваться к венцу, прикалывая своими тонкими аристократическими пальцами белые волны тюлевой фаты, она поминутно ободряла меня, то улыбкой, то ласковым возгласом, полным родственной нежности.

Как я была благодарна ей, этой милой девушке, за ее ласку – я, лишенная по моему сиротству обычного материнского благословения в этот день!

Когда под руку с Вивой я вошла в ярко освещенную церковь Мариинского дворца, мне стало вдруг невыносимо жутко.

Певчие, в парадных контушах, стройно и мелодично вы-

¹⁰ Она очень интересна.

водили обычный концерт: «Гряди, гряди, голубица», и эти звуки плавной и красивой волной уносились под высокие своды дворцовой церкви. Пышная толпа нарядных дам, сановников, увешанных лентами и орденами, мои блестящие шафера – все это собралось сюда, частью, чтобы участвовать при обряде, частью, чтобы посмотреть на меня и на моего жениха. И мне было нестерпимо жутко и стыдно под жгучими молниями перекрестных взглядов и улыбок. Никогда еще, казалось мне, мое безобразие не могло бы выступить так рельефно, как теперь. Никакие прически, никакие наряды не могли скрыть то, чем так безжалостно наградила меня судьба. Моему болезненно напряженному слуху, казалось, даже слышались отдельные возгласы откровенного изумления по адресу моей неблагоприятной внешности.

А рядом неуместно заботливая Лили шептала мне своим звонким голоском:

– Не забудь первой встать на коврик, Тася.

«Зачем? к чему? на какой коврик?» – вихрем пронеслось в моем мозгу. И я тут же вспомнила старое поверье, что тот из брачующихся, кто войдет первым на кусок розового атласа, тот и будет главою в супружеской жизни. О, мне этого не надо совсем!

Я ничего не понимала, позабыв все напутствия кузины, пояснявшей мне в сотый раз то, что я должна была делать во время обряда. Я даже забыла в эту минуту о том человеке, который сейчас, сию минуту будет признан моим му-

жем перед лицом церкви и этой нарядной, пышной толпой. Как ни странно, но впечатление, захватившее меня при входе в храм, заслонило в моем сознании даже его образ. Точно действующим лицом этого жизненного эпизода была одна я, а он, мой дорогой, милый, был только неизбежным дополнением венчального акта. И только когда священник торжественно подвел кого-то близко-близко ко мне и, соединив наши руки, повел нас за собою к аналою, только тогда моя мысль прояснилась в отуманенной голове и я поняла, что рядом стоящий «кто-то» – мой муж перед людьми и Небом; что он, а не кто другой, поднял во мне мое до сих пор приниженное самолюбие, уравнил меня с другими, имеющими право на любовь и счастье, и показал всей этой праздно глазающей толпе, что я достойна его чувства, достойна его выбора.

Горячая волна безграничной любви, смешанной с благодарностью, захватила меня. Сладкое умиление наполнило сердце.

«Возложил еси на главы венцы», – выводили, между тем, певчие на клиросе, и это пение радостным и стройным эхо откликалось где-то в глубине моей души.

При обмене колец мои пальцы коснулись руки Сергея, и я почувствовала умышленное пожатие его руки. Он как бы хотел придать мне мужества. Слезы безграничного счастья навернулись мне на глаза.

И тут только я решилась взглянуть на мужа. Он был серьезен, бледен и, казалось, волновался не менее меня, но при ви-

де моего просветленного, счастливого лица чуть-чуть улыбнулся мне в ответ и вторично пожал мою руку.

Обряд кончился.

Мой муж подал мне руку и мы пошли на амвон принимать поздравления приглашенных гостей.

XVII

Я благословляла Сергее за то, что он не поддавался увещаниям tante Lise и, вместо предлагаемой поездки за границу, решил увезти меня в свое имение, находящееся в Курской губернии, ссылаясь на разом обуявшую его лихорадку работы. Мне так хотелось посмотреть его гнездышко в глуши.

Большая часть приглашенных собралась на вокзал проводить нас. Tante Lise простилась со мною дома.

Что-то похожее на ласку мелькнуло на миг в ее строгих глазах, когда она перекрестила меня в последний раз, напутствуя на неведомый путь моей супружеской жизни, но только на один миг. Она тотчас же оправилась от непривычного ей порыва и заговорила своим обычным сухим тоном светской дамы.

– Помните, милая Тася, счастье семейной жизни зависит вполне только от нас, женщин! Постарайтесь же устроить его прочно и твердо!

– Постараюсь, ma tante, – целуя ее сухую руку, произнесла я и тут же горячо поблагодарила ее за все ее заботы обо мне.

Все-таки, несмотря на свою сдержанность и внешнюю сухость, tante Lise по своему любила меня.

– Смотрите, чтобы вас волки не съели! – шутил на вокзале Вива, негодовавший на моего мужа за то, что он решил запереться на долгие месяцы в деревне.

Решено было, что они с Лили приедут к нам летом, а также и милая Кити, погостить.

С третьим звонком мы поспешили в купе, сплошь заваленное букетами и ящиками конфет, неизбежным приношением друзей.

– А bientôt,¹¹ Тася! – кричала мне Лили, кивая хорошенькой головкой.

– Милая! – чуть слышно шепнула мне моя новая подруга, Кити.

Ее глаза были влажны.

Поезд тронулся. Оставшиеся на дебаркадере закивали головами, закричали последние приветствия. Я стояла на площадке перед дверью вагона и весело улыбалась толпе провожатых. Мне было и жалко, и радостно в одно и то же время покидать холодный город, где я так печально провела лучшие годы своей юности. Позади меня осталось теперь все пережитое мною – хорошее ли, или дурное, но уже промелькнувшее мимо. Впереди «нечто» неведомое и неизбежное манило издали своим таинственным и загадочным взором.

«От нас, женщин, зависит счастье семейной жизни», – слышались мне сквозь гул колес и шум локомотива слова сказанные tante Lise.

«Да, да, я завоюю мое счастье, если это зависит от меня только!» – мысленно воскликнула я и, доверчиво улыбаясь подошедшему мужу, вошла в вагон.

¹¹ До скорого свидания

Часть вторая

I

Ласковый, теплый февральский вечер нежно дохнул мне в лицо, когда в сопровождении мужа, я вышла из вагона на маленькой станции не доезжая Курска.

Полтора суток, проведенные в дороге, промчались, как сон.

Сергей был такой предупредительный, заботливый и добрый. Что-то сердечное, родное проглядывало в его отношениях ко мне. В первый же вечер, проведенный с ним в вагоне, я рассказала ему о своем отце, о котором еще никогда ни с кем не говорила.

В Москву мы приехали ранним утром и, не останавливаясь ни на час в старой русской столице, поспешили на Курский вокзал.

Около одиннадцати часов вечера поезд привез нас на станцию «Колонтаевку», в трех верстах от которой находилось имение Сергея.

За нами выслали лошадей, чудесную серую в яблоках тройку. Круглолицый парень-возница, сидевший на козлах, широко осклабился, завидя Сергея.

– Честь имею поздравить барин, – приветствовал он му-

жа и, ударив вожжами по спинам застоявшихся лошадок, пустил их быстрой рысью.

– Что, няня здорова?... А Аким Петрович?... А батюшка? – с участливым любопытством осведомлялся муж, весь подавшись вперед своей стройной фигурой, чтобы хорошенько расслышать то, что говорил кучер.

– Слава Богу, все здравствуют, Сергей Вадимович. Анна Степановна наказывали завтра в слободу сходить к батюшке, чтобы, значит, молебен отслужить... Эй вы, соколики! – неожиданно прикрикнул он на лошадей.

Ровная и белая, как скатерть, дорога мягко стлалась среди полей, покрытых сплошной пеленою снежных сугробов. Где-то далеко впереди мелькали яркие точки многих огоньков.

– Это Насиловка, наша слобода, – пояснил Сергей, уловив мой взор, прикованный к огненным точкам.

– Ась? – повернул к нам улыбающееся лицо возница.

– Не тебе – правь, голубчик. Я молодой барыне объясняю, где наши места находятся, – ласково сказал ему Сергей, и, протянув руку вперед, в противоположную от огней сторону, добавил, – а вот и «Довольное».

Я посмотрела по указанному мне направлению. Благодаря светлой лунной ночи, можно было различить группу деревьев, темным пятном выступавших в стороне от дороги. Чуть заметная полоса света пронизывала их таинственно-молчаливую чашу.

– «Довольное»... – эхом повторила я за мужем и невольно

мысленно прибавила себе, – моя тихая пристань, мой очаг, где я должна буду положить начало прочному семейному счастью, о котором говорила tante Lise.

И мне вдруг стало страшно от близости этой пристани, этого неизвестного близкого будущего, прикрытого от меня непроницаемой завесой судьбы. Все там, за этой группой деревьев темнеющего парка, закрывающих своими ветвями старое гнездо водовского рода, было мне чуждо и незнакомо. Ведь ни няни, вышедшей два поколения, ни старого управляющего, полвека прожившего в этом неведомом мне «Довольном», я не знала, как мало познала, в сущности, и человека, везущего меня в свое родовое гнездо и соединенного со мною тесными узами брака.

Но его я любила беспредельной большой любовью, и это мое чувство к нему как бы сближало меня с ним легче и тесней.

Лошади, усталые и разгоряченные быстрым бегом внезапно остановились у крыльца. В доме замелькали приветливые огоньки, забегали люди. Кто-то выскочил на крыльцо и с плачем повис на руках Сергея. Откуда-то со стороны флигеля бежал старичок-управляющий, размахивая руками и крича нам что-то издали, чего мы не могли ни понять, ни расслышать в общей суматохе. Эта встреча и волновала, и смущала меня, как волнуют и смущают обыкновенно такие встречи с незнакомыми людьми. Две борзые, Бог весть, когда и откуда выскочившие, с ласковым взвизгиванием кинулись к Сер-

гею. А он целовал одновременно и няню, и Акима Петровича и здоровался с прислугой, и гладил собак, и, казалось, вовсе забыл в эту минуту обо мне. А я стояла, одинокая и беспомощная, на крылечке, занесенном снегом, и чувствовала себя ненужной и чуждой всем этим людям, бурно приветствовавшим моего мужа.

Наконец его взгляд встретился с моим.

– Наташа, – вибрирующим от волнения голосом позвал он меня, – позволь тебя познакомить с моими друзьями: это няня, моя старушка, а это мой верный друг Аким Петрович...

Потом, дав мне поздороваться с ними, он назвал мне поочередно прислугу, высыпавшую на крыльцо.

– Что, Марьюшка, – обратился он к полной пожилой женщине и похлопал ее по плечу, – что детки?

– Да что, батюшка-барин, им сделается, работают... Что им делать-то больше? – ответила она, ни на минуту не переставая оглядывать меня, как невиданного, диковинного зверька.

Анна Степановна низко поклонилась мне в пояс. Аким Петрович сорвал с головы шапку с наушниками и приложился к моей руке поверх теплой перчатки. Его примеру намеревалась последовать и прислуга, но Сергей, видя мое смущение, выручил меня.

– Ну, ну, пойдем в дом, а то вы мне мою молодую жену заморозите, – шутливо обратился он ко всем сразу и, подав мне руку, повел в сени.

Пока старый слуга Потапыч в жарко натопленной прихожей освобождал меня от теплого платья, я могла рассмотреть своих новых знакомых. У старой няни было строго-ласковое лицо, какое обыкновенно пишут на иконах. Есть такие лица, которые можно и любить, и бояться в одно и то же время. Их нельзя позабыть после первой же встречи, они и ласкают, и взыскивают в одно и то же время. Управляющий, Роговцев, был маленький седенький старичок, незначительный и слабый на вид, но, тем не менее, сумевший в продолжение долгих лет охранять интересы водовского имения. Благодаря только его неустанному труду, процветало «Довольное» и целые поколения барского рода могли бы существовать на доход от него. Сергей отзывался о Роговцеве всегда как о человеке образцово-честном, опытном и пунктуальном. Настроенная в его пользу еще до встречи с ним, я не могла не приласкать старика самым теплым приветствием. Няня Анна Степановна понравилась мне не меньше, но какая-то затаенная сдержанность по отношению ко мне замечалась в каждом ее слове и невольнo удерживала меня от проявления искренней, доверчивой ласки.

Громадный пустынный дом моего мужа имел свою своеобразную прелесть. Большие комнаты старой архитектуры с тяжелой, громоздкой и красивою мебелью, со сводчатыми потолками давали невольную пищу фантазии. Я, буквально выросшая на романах Вальтера Скотта, не могла не любить этой таинственности, заставляющей пылко разгораться мое

воображение и волновать и без того впечатлительную душу.

Жилые комнаты казались чудесным оазисом среди громадной пустыни старого дома. Всегда аккуратный и экономный Аким Петрович не пожалел на этот раз ни труда, ни средств, чтобы придать им вид уютного гнездышка. Стены, обитые веселеньким кретоном, старые, но еще годные дорогие ковры, собранные сюда, очевидно, со всего дома, уютная новенькая мебель – все это не могло не удовлетворить моего нетребовательного вкуса.

– Какой вы милый, Аким Петрович, и как я бесконечно благодарна вам за все! – не могла не удержаться я от радостного восклицания, пожимая руку Роговцеву.

– Что вы, что вы, княгинюшка, – почему-то он называл меня так, несмотря на то, что с замужеством я теряла свой княжеский титул, – не я в том причастен... на то было приказание свыше... я не причем... я только слепое орудие в руках своего господина, – засмеялся он, лукаво подмигнув в сторону Сергея.

Кабинет последнего так же, как и моя спальня, выходил в сад, чудесный старый сад, с вековыми липами, облитый теперь нежным сиянием месяца. Между спальней и кабинетом были две смежные комнаты и обе предназначились в мое полное распоряжение.

– Приемные-с ваши, княгинюшка, – любезно пояснил мне симпатичный старик.

Столовая, зал и прочие комнаты были в стороне от нашего

гнездышка и казались неудобными, несмотря на яркое освещение и весело потрескивающие дрова в камине.

В большой гостиной, прежней приемной родителей Сергея, все стены были сплошь завешаны фамильными портретами. Тут было не одно и не два, а целых несколько поколений.

– Род Водовых старинный и знатный, – не без важности объявила мне няня и тут же, не скрывая тщеславной гордости, называла мне по именам мужниных предков, изображенных на портретах, кратко посвящая меня в биографию каждого.

Среди многих лиц родни Сергея одно из них невольно привлекло мое внимание: это была еще совсем молодая женщина с добродушно-ласковой улыбкой на губах. Сходство ее с Сергеем было поразительное.

– Это ваша мать? – спросила я мужа, указывая глазами на портрет.

До сих пор я не могла привыкнуть говорить ему «ты».

– Да, это мама... Она нравится тебе, Наташа? – живо обернулся он ко мне.

– Как вы можете так говорить! – покачала я укоризненно головой, – ведь, это, прежде всего, ваша мама, Сергей! – и через минуту я прибавила смущенно, – мне хочется перенести портрет в мою спальню, вы позволите?

Он, казалось, не ожидал ничего подобного. На его всегда бледном лице вспыхнул румянец и теплые искорки зажглись

в его добрых глазах.

– Не знаю, чем смогу я отплатить тебе за эту твою чуткость, Наташа! – целуя мои руки, произнес он растроганно.

Старуха-няня не переставала следить за нами взором. Она боготворила, как видно, своего Сереженьку и как будто даже несколько ревновала его ко мне. Я видела по этим взглядам ее проницательных глаз, как страстно хотелось ей узнать о наших взаимных отношениях.

Когда мы вошли в ярко освещенную столовую, я увидела два-три удивленно направленные по моему адресу взгляда. Ни няня Анна Степановна, ни добрейший Аким Петрович не предполагали, должно быть, чтобы их молодая хозяйка обладала такую незавидную внешностью. Я смутилась; смутились и они невольно. Едва поборов это невольное смущение, я постаралась быть любезной и милой, что хотя сколько-нибудь примирить их с неприятным впечатлением, произведенным на них моим некрасивым лицом.

Мы разошлись около полуночи по своим углам.

В моей комнате теплилась лампада. Лампа под голубым абажуром придавала уютный характер и без того прелестному уголку.

Я подошла к окну. Февральская ночь зачаровала сад сонными, сказочными чарами. Таинственный и прекрасный стоял он, облитый нежным сиянием месяца. Всюду высились стройные призраки деревьев, покрытых снежной фатою и далеко раскинувших свои голые ветви. А за ними стлались

длинные безобразные тени зловещими мрачными пятнами по белому снегу сугробов. Он казался мне, этот сад, обитаемым какими-то таинственными существами, которых я не знала, но присутствие которых ясно ощущалось моей пылкой фантазией. Да и не один сад, а все это старое родовое гнездо с его громадным мрачным домом и бесчисленными уголками и переходами, все это вместе взятое погружало мою фантастически настроенную мысль в какой-то новый мир, таинственный и прекрасный. Тишина царила кругом, только за стеною глухо раздавались шаги мужа.

Мой Сергей! Он был все тот же прежний заботливо-нежный, посещавший меня в доме tante Lise, дорогой человек, окружавший меня самыми нежными заботами.

Сегодня, очутившись в его доме, в этом старом доме, где жило, любило, радовалось и страдало не одно поколение водовского рода, все мое существо стремилось навстречу человеку, шаги которого гулко долетали до моего напряженного слуха. И мое сердце стучало так, что я слышала, казалось, его биение. И я давала слово в душе сделать его счастливым на всю жизнь. Он говорил мне несколько раз, что верит в мой талант и любит меня за него. Если это так и талант этот – не плод фантазии его, то, Боже, возьми, – взывала я к Богу, – сделай так, чтобы талант этот разросся и мой Сергей гордился бы мной.

И опустившись на колени, я горячо помолилась о моем будущем счастье.

Потом снова подошла к окну и снова вперила глаза, в чудесно освещенную лучами месяца садовую чашу.

Как в ней было хорошо!

В дверь постучали. Вошел Сергей.

– Ты простудишься, – сказал он, быстро подходя ко мне, и отвел меня от окошка.

– Нет, ничего... у вас чудесный сад... – произнесла я. – И все здесь мне ужасно нравится у вас.

– Я рад, если это так, Наташа! – Ведь это все твое, – и Сергей обнял меня. – Я, признаться побаивался взять тебя сюда, в эту глушь. Как-то покажется ей наш тихий уголок, ведь она привыкла к шумной светской жизни, – говорил он мне несколько минут спустя. – Ведь не на веселый праздник вез я тебя сюда, Наташа, а чтобы разделить со мною мою скучную трудовую жизнь. Я мечтал о том, как мы будем совместно работать с тобою, а в часы отдыха совершать прекрасные длинные прогулки. Здесь чудо что за окрестности, Наташа! Вот увидишь сама. Только бы ты не соскучилась здесь, голубка.

– Соскучиться с тобою! О, никогда в жизни! Ведь я так люблю тебя, Сергей! – вырвалось у меня горячо, и сильно и крепко прижалась я к груди моего мужа.

– Да, мы будем с тобою счастливы, Наташа! – произнес он убежденно, целуя мои руки.

И чудный сад, залитый голубоватым сиянием, свежая светлая февральская ночь, золотистые звезды, заглядываю-

щие в окно моей комнаты, все это показалось мне еще прекраснее, еще прелестнее с этой минуты.

II

Утро давно уже вступило в свои права, когда я проснулась.

Чувство почти ребяческой радости захватило меня, лишь только я получила свободу мыслить. Помню, еще при жизни отца я просыпалась так, с таким же точно чувством острой радости, в великие праздники Рождества и Пасхи. Я знала, что меня ждет много подарков, припасенных мне моим дорогим папой. Теперь у меня было нечто большее, чем подарки, – любовь моего мужа, мужа, которого я обожала, за которым готова была идти на край света, куда бы он меня ни послал. У меня был свой дом, свой сад, уютный уголок, где я могла хозяйничать по собственному усмотрению; особенно привлекал меня чудесный огромный сад, окружающий дом.

Я вскочила с постели и подбежала к окошку, чтобы взглянуть на него при дневном свете.

Этот сад не казался мне теперь уже таким таинственно волшебным, как вчера. В его утреннем уборе при ярком освещении февральского солнца, с громадными деревьями, разубранными, как невеста, белой фатою снега, он казался чудно-прекрасным, много лучше того сада, в чашу которого, полная восторженного трепета, я вглядывалась ночью. Какой он чудесный и красивый! Меня неудержимо потянуло туда. Проживя все мое детство в Петербурге или в дачных приго-

родах, я мало видела настоящую природу и, теперь эта природа буквально сводила меня с ума от восторга перед ее красотой!

Голубой капот, тщательно разложенный на диване, напомнил мне, что я должна одеваться. Я всегда ненавидела светлые цвета и воевала с tante Lise, не желая надевать ни розового, ни голубого цвета, уверяя ее, что нежные тона только подчеркивают мое безобразие. Но сегодня мне это не казалось. Напротив того, мне хотелось одеться как можно светлее, наряднее, точно я собиралась на праздник.

Когда я вошла в столовую, меня приветствовала няня, не без достоинства поклонившаяся мне в пояс.

– Сереженька с Акимом Петровичем в слободу за батюшкой уехал. Молебн служить будут, – поторопилась она оповестить меня, поймав мой ищущий мужа взгляд.

Я посмотрела на нее внимательно. От прежнего впечатления, произведенного ею на меня вчера, не оставалось и следа. Ничего строгого, ни мистического не нашла я в этом чисто русском добродушном лице при дневном свете. Одни только большие, без блеска, пронизательные черные глаза смотрели несколько сурово и слегка дисгармонировали с мягкой усмешкой старческих губ.

– Ты меня прости, матушка-барынька, – вдруг неожиданно обратилась она ко мне, – что ежели я тебя по моей глупой привычке величать не сумею. Ты вон, слышь, княжеского рода, а я простая мужичка серая, так не взыщи, что об-

молвлюсь чем невзначай, неученая я, темная, хотя и всю мою жизнь при господах скоротала.

– Что вы, няня, что вы! – поторопилась я ответить и крепко поцеловала старуху.

Она, казалось, не ожидала этой ласки. Лицо ее прояснилось широкой, доброй улыбкой.

– У, ты, крохотка моя! – протянула она любовно, и вдруг ее суровые глаза загорелись, засияли и стали почти яркими, как у молодой женщины. – Вот ты какая! А я-то, грешница, думала супротив тебя... – произнесла она с чувством и укоризненно покачала своей седой, по-вдovьему повязанной головою.

– Что же вы думали обо мне, няня? – поинтересовалась я.

– Да уж я думала, крохотка, неподобное думала... Ты, слышь, княгинюшка знатная, ну, значит, важнющая... так думала-то, по серости своей... «сошлет, чего доброго, в людскую, отвернет от меня Сереженьку», вот что думала, крохотка моя.

– Что вы! что вы! – непритворно ужаснулась я.

– Ну, вот, ну, вот! Слава Тебе, Господи!.. И Сереженьку моего любишь, подай тебе за это Всевышний! Вынянчила ведь я его своими руками и все боялась, кому-то он, сердечный, попадется! Злая жена хуже всего на белом свете! А ты, вижу, любишь его, крохотка... Вижу, вижу, даром, что вчера только приехали, – улыбалась она, радостно кивая головою и плача от счастья.

Эти простые, сердечные слова взволновали меня. Неожиданно для себя самой я упала на грудь старухи и прошептала ей на ухо, заливаясь счастливыми слезами:

– Люблю, я его няня, так люблю, слов не найду выразить! Ведь, один он у меня, один в целом мире! Сирота я, няня! без отца и матери, кого же мне и любить, как не его, дорогого, милого!

– Крохотка, что ты, Бог с тобой, ясная, верю! верю, жалостливая, верю сиротинка моя! Я сама тебя полюбила, сразу полюбила за доброту твою, голубонька! – и она заплакала навзрыд, бедная, одинокая старушка, всю жизнь свою отдавшая для других.

Мой порыв сблизил нас больше, нежели другие годы совместной жизни... В лице Анны Степановны я приобрела честного, правдивого, неподкупного друга.

III

Сергей вернулся к самому молебну. Я увидела его в ту минуту, когда слободской батюшка, высокий, худощавый старик, надевал с помощью дьячка свое скромное старенькое облачение.

– Здравствуй Наташа, – целуя мою руку, приветствовал он меня со своей обычной, милой улыбкой.

Начался молебен. Батюшка служил прекрасно, с чувством произнося слова молитв. И опять меня охватило детское настроение светлого, несколько грустного счастья. Снова вспоминались отроческие годы, когда мой отец точно так же приглашал священника в Рождество и Пасху служить у нас в доме молебны. О, папа, папа! Помолись, дорогой, со мною за меня, твою Тасю! – мысленно обращалась я к дорогому покойнику.

Во время завтрака я старалась быть любезной, насколько могла, и угощала священника и дьякона соленьями и вареньями, заготовленными искусными руками няни.

– А вы надолго сюда? – осведомился отец Виктор, дьякон слободы Насиловки.

– Да покуда нам здесь поработается с женою, – с улыбкою в мою сторону, сказал Сергей, – ведь она одного со мною поля ягода! Я вам ее рассказ пришлю почитать... удивительная вещь!

– Соболаговолите! – пробасил отец Виктор и стал смотреть на меня почтительно-изумленными глазами.

– Хорошее дело, – вмешался в разговор о. Николай своим за душу хватающим, ласковым голосом. («С таким голосом, – тут же невольно подумала я, – какое сильное впечатление должен он производить на паству!») – Хорошее дело, когда у супругов являются, помимо прочих семейных, еще и общественные интересы. Дай Бог, дай Бог, милая хозяйюшка! А почитать вашу вещицу позвольте и мне. С удовольствием почитаю.

Я поблагодарила за честь, краснея от смущение.

– Вот Зоинька приедет, подружкой вам будет, коли не побрезгуете, – продолжал о. Виктор. – А только сестренка-то моя вряд ли подойдет к вам, уж очень она бедовая. И на поле сама с бабами жнет, и лошадей в ночное гоняет и сено косит, что твой мужичок.

– Мальчишка какой-то! Разбойница, что и говорить. Вот приедет на Пасху, повидаете! – вставил о. Николай.

Я уже слышала от мужа об этой Зое, сестре дьякона и она очень интересовала меня.

Она училась в Петербурге на курсах, ни копейки не брала от брата, существуя грошовыми уроками чуть ли не с четвертого класса гимназии и отвергая всякую помощь.

Эта Зоя казалась мне какой-то маленькой героиней, и я горела желанием ее увидеть поскорей.

Завтрак кончился. Отец Николай и дьякон стали прощать-

ся с нами. Пожимая мою руку в прихожей, куда я вышла проводить их, о. Николай сказал мне со своей доброй улыбкой:

– А вы, милая барынька, не пренебрегайте Божьим даром, не закапывайте таланта в землю. Пишите и меня, старика, радуйте!

При этом глаза его остановились на мне с такою родственной лаской, что хорошо и тепло мне стало от этого взгляда. Глядя на них, я вспомнила другие, такие же чистые и светлые глаза, глаза моего отца, а вместе с ними и далекую, давно пережитую страничку дорогого детства. Не отдавая себе отчета, я быстро наклонилась и поцеловала большую мягкую руку старика.

IV

– Ну-с, когда же мы работать начнем? – обратился ко мне недели через две после нашего приезда мой муж с вопросом. – Да, кстати, я говорил о Виктору о проекте нашего журнала. Он тоже хочет принять в нем деятельное участие. Это очень интересно. Он предполагает написать письма из глуши провинциального дьякона. Ну, а твои дела Наташа?

– Какие, Сергей?

– Проектируешь ты что-нибудь написать?

– Когда же, милый...

Последнее слово вылетело так неожиданно из моей груди, что невольно смутило меня.

– Но ведь здесь что ни шаг, то типы, – стараюсь не замечать моего сконфуженного вида, продолжал муж. – Мало тебе пицци? Уж одни няня, Аким Петрович и дьякон чего стоят!

– Мне кажется, что я не могу писать... по крайней мере, теперь, – произнесла я и, помолчав, добавила прерывающимся голосом, – я так счастлива, Сергей, так полна моим счастьем, что ничто другое не идет на ум. Нет, я не могу работать!

– Это так только кажется, Наташа. Вот увидишь, пройдет еще неделя, тебе наскучит праздная жизнь и ты остро захочешь приняться за перо. Ведь здесь все так и располагает к работе. Тихое гнездышко, красивая природа! Кругом сад,

поля, покрытые еще снегом. А птичники, хлев и конюшни чего одни стоят! Пойдем туда, молодая хозяйюшка, а?

Ему не пришлось повторить своего приглашение... Через десять минут я уже была готова и, в короткой зимней кофточке и шапочке, в теплых галошах шагала об руку с мужем по моим новым владениям.

Все здесь забавляло и радовало меня, как и в первый день приезда, на каждом шагу.

В хлеву меня пленяли рослые, здоровые коровы, приветствовавшие нас своим ласковым мычаньем. В конюшне я кормила хлебом красивых сытых лошадок, поворачивавших мне навстречу умные головы с выразительными глазами.

На птичнике я едва не оглохла от того концерта, который задало нам пернатое царство в нашу честь. Как все это было ново и забавно! Потом мой муж повел меня по деревенской дороге, пробитой между двумя снежными стенами к опушке леса... Последний кажется замурованным в своем зимнем сне под белой жемчужной одеждой.

– Здесь сказочно хорошо летом! – говорил Сергей, очень довольный, производимым на меня впечатлением.

– Буду ждать лета, но и сейчас здесь сказочно хорошо!

V

Прошел месяц.

Сергей был охвачен лихорадкой работы.

Кроме своего творческого труда, он уделял много времени составлению плана своего «Идеального журнала», издание которого он хотел начать не позднее сентября.

Он ежедневно списывался с петербургскими друзьями, подыскивал необходимых сотрудников, таких, которые подошли бы к главной идее его издания и помогли бы осуществить ее.

Мы виделись с ним только за завтраками и обедами. Его рабочий стол был, к ужасу няни, перенесен в холодную и неудобную портретную; сюда же приносили целыми корзинами книги, журналы разных периодических изданий и беспорядочно складывали по углам комнаты. Хаос здесь царил невообразимый.

– Сереженька, дай-ко-сь я хотя пыль-то сотру! – осторожно подступала к нему няня, но муж только упрямо качал головой, не отрывая глаз от работы.

– Не надо, не надо, я сам!

Щекотливый вопрос о денежной помощи с моей стороны, которого я так боялась, прошел гладко, почти незаметно.

Когда его собственные материальные ресурсы иссякли благодаря громадным расходам по делу издания, я совер-

шенно просто передала ему все свои деньги, полученные мною в бумагах от бабушки в день свадьбы.

Он на минуту смутился.

– Зачем же столько, Наташа?

– Ведь тебе столько и надо, Сергей, – улыбнулась я. – Аким Петрович признался мне, что его касса опустела. Это дело касается и меня. Ведь ты обещал мне взять меня в помощники. Дай же и мне выступить отчасти на пользу нашего дела!

– Хорошо «отчасти!» – сыронизировал он. – Издание целиком твое. И, не будь твоего участие в денежном отношении, мечта моя осталась бы мечтою! – с внезапно заблестевшими глазами радостно, весело воскликнул Сергей. – Ах, Наташа, ты сама не знаешь, какое счастье принесла ты мне с собою!

Я улыбнулась радостной улыбкой. Мне так хотелось быть полезной ему и его делу.

Как-то раз Сергей позвал меня к себе в портретную, превращенную теперь в его рабочий кабинет.

– Видишь, Наташа, отец Виктор совсем оправдал мои ожидания, – весело блестя глазами от радостного оживления, сказал он.

– А что такое? – поинтересовалась я.

– Представь себе, он прислал мне пробную статью для журнала и статья оказалась очень хороша. Тема – значение церковных проповедей среди крестьян. Ты довольна, Ната-

ша?

Мне было решительно все равно в эту минуту, какую статью написал о. Виктор, потому что мои собственные дела были из рук вон плохи. Состояние полнейшей беспомощности захватило меня. Вот уже около двух недель я ежедневно присаживалась к столику, выдавливая из себя сюжеты, но все мои усилия были тщетны. Вдохновение отсутствовало. Пробовала я, помимо него, изобразить типы о. Николая, о. Виктора, Анны Степановны, Роговцева, но они выходили какими-то пустыми и бесцветными. Жизнь кругом была слишком обыкновенной и будничной, чтобы дать собою пищу фантазии.

Муж не имел времени совершать теперь тех длинных прекрасных прогулок, какие мы делали с ним в первые дни после свадьбы. Он весь ушел в работу. А гулять одной мне не хотелось. Я не привыкла к этому, благодаря светскому воспитанию tante Lise. Пробовала я заниматься хозяйством под руководством няни. Но с первых же дней почувствовала полнейшую свою несостоятельность в этом деле. И без моего вмешательства все в хозяйстве катилось ровно и гладко, как по маслу, и я была здесь совершенно лишней.

Оставалась одна работа, мое «писательство», но и она почему-то не шла мне на ум.

Сергей не мог понять моего бездействия, сам охваченный приступом неугасаемого вдохновения, и даже как бы негодовал на меня.

– Напиши мне что-нибудь такое же яркое, сильное и красивое, как твой «Сон девушки», и твоя слава обеспечена, – говорил он, – ведь два или три подобных произведения заставят прогреметь твое имя!

«Я не могу работать, не могу, пойми это! – хотелось мне крикнуть ему, – ты напрасно произвел меня в таланты. Я ничтожество, пойми, и не жди от меня ничего хорошего!»

Но я молчала, боясь своим признанием оттолкнуть от себя мужа. Я ходила спокойная на вид, но с болезненным ощущением в душе, ощущением недовольства собою и скуки. Анна Степановна своими пронизательными глазами и житейским опытом поняла, что со мною творится что-то неладное.

– Полно, крохотка, – успокаивала она меня, как видно, истолковывая в другую сторону мое удрученное состояние. – Ты без Сережи соскучилась – работает он много, с тобой мало бывает, а ты не сокрушайся. Кончит писать и опять к тебе вернется! Помяни мое слово, крохотка.

– Да я ничего, няня, пусть работает, – отвечала я довольная отчасти тем, что чуткая старуха не докопалась до истинной причины моего горя.

А между тем моя собственная работа все-таки не клеилась. Я доходила до иступления, сознавая мою полную беспомощность. Часто, бросая перо, я поднимала глаза на портрет матери Сергея, помещенный, по моему желанию, над письменным столом. Ее красивое лицо улыбалось добро и печально. Я слышала от няни грустную повесть этой женщи-

ны. Она не была счастлива в замужестве. Отец Сергеев был крутой человек и очень строго относился к жене и детям. Оттого-то, должно быть, и улыбалась так печально со своего портрета бедная красавица. Я старалась схватить несколько фактов, переданных мне тою же няней из жизни родителей моего мужа, но перо не повиновалось мне, самый способ изложения казался сухим и скучным, а слог, так удачно воспроизведенный в «Сне девушки», отсутствовал и был грубым и тяжелым в новом труде.

VI

Великий пост всколыхнул мою душу.

Я любила до безумия этот врывающийся в начале марта аромат весны, внезапно разбуженную от долгого зимнего застоя природу, талый снег на дорогах, смешанный с грязью, неумолкаемый протяжный и гулкий колокольный звон, запах ладана в притворе, заунывные напевы и черные ризы священнослужителей.

Богослужение в слободской церкви особенно нравилось мне. Здесь, затерянная среди простого, серого люда, я простаивала долгие часы на коленях с восторженным настроением в душе. О. Николай служил с особенным чувством. Благодаря его ласкающему голосу и им самим переживаемому настроению знакомые слова молитвы и Священного Писания приобретали особенное значение для меня. В то время, пока мой муж списывался с Петербургом, составлял проекты нового дела, посылал прошения о разных привилегиях, словом, всячески готовился к появлению в свет своего «детича» журнала, я проводила время или в церкви, или в своей комнате, просиживая целыми часами за бесплодными усилиями создать нечто могущее дать удовлетворение моему заземленному самолюбию и поднять себя еще раз во мнении дорогого человека.

Наконец, весна ли, или необычный подъем нервов сдела-

ли свое дело; я написала повесть одного качества со «Сном девушки», как мне, по крайней мере, казалось это.

Поставив последнюю точку, я прочла рукопись и, ни слова не говоря о ней мужу, положила ее в его отсутствие на письменном столе, в портретной. Сюжет этой повести был прост и несложен. Я взяла его из жизни Осиповой и ее детей, сделав героиней рассказа ее дочь, Лидию. Мне казалось, что моя работа, если и окажется несколько хуже «Сна девушки», то, во всяком случае, не много уступит ему. Правда, я писала без того захватывающего волнение, которое посетило меня в ночь создания моего первого произведения, но, по моему мнению, результат, получаемый от тщательной, последовательной работы, состоящей в обдумывании каждой строчки, может равняться по достоинству тому произведению, которое является следствием острого приступа вдохновения.

В тот же вечер, приготавливаясь ко сну, я услышала знакомый стук у порога моей комнаты. Поспешно накинув пеньюар, я открыла дверь моему мужу.

Он казался взволнованным и бледным. В руках его была моя рукопись.

– Это написала ты, Наташа? – спросил он меня.

Тоскливое предчувствие сдавило мне грудь.

– Да!

– И «Сон девушки» написала ты тоже?

– Ну, да, конечно!.. Ты сомневаешься, Сергей?

– Прости, Наташа... Я далек от мысли обижать тебя...

Но, видишь ли, я, сообразуясь с твоим первым произведением, нашел в тебе много своеобразного таланта. Читая эту повесть, я не увидел в ней того индивидуального твоего «я», которое поражало меня в каждой строке «Сна девушки». Эти вещи и сравнивать нельзя. Они точно написаны двумя совершенно разнородными по существу авторами. Эта повесть...

– Так гадка?.. – дрожащим от волнения голосом прервала я его.

– Прости... да... моя бедная Наташа, – произнес он печально и, как бы жалея меня, добавил в утешение, – во всяком случае, ты не горюй. Знаешь, подобная участь постигала даже многих больших писателей... Бывали и у них слабые, нетерпимые вещи... Не горюй!

О, нет, я не горевала!.. Чувство, захватившее меня, ничего общего не имело с горем. Просто стыд, жгучий стыд, пожирал меня, доставляя мне почти физическое мучение.

«Ты – обманщица, – говорило что-то неумолимо-ясно внутри меня, – невольная обманщица перед этим человеком. Автор „Сна девушки“ оказывается ничем! А в меня веровали, от меня ждали многого... Может быть, этот призрак, мираж таланта и остановил на мне исключительно внимание Сергея?»

И не будучи в силах сдерживаться больше, я разрыдалась навзрыд, высказывая ему сквозь слезы угнетавшую меня мысль.

Мой муж не дал мне договорить, крепко обнял меня, прижал к себе.

– Моя милая, милая, маленькая Наташа, успокойся, ради Бога, не мучь себя! Если бы ты даже и не написала ни строчки, я любил бы тебя не меньше от этого! Пойми, Наташа, не таланта я искал в тебе, а твою душу, твою добрую, чуткую душу, такую нежную, кроткую, славную. Ее-то я и угадал в тебе с первой встречи, к ней-то я и привязался. И не напиши ты твоего «Сна девушки», результат был бы один и тот же. Только «Сон девушки» помог мне увидеть то, что так бы не пришлось увидеть. Вот и все. Конечно, было приятно, если бы ты работала так же, как и я, но и без этого у нас много других интересов с тобою. Не так ли, Наташа, родная моя?

О, эти слова! Эти глаза, глядевшие на меня с такой неизъяснимой нежностью!

И после этого воображать себя несчастной! Нет! Нет!

Слезы высохли сразу на моих ресницах, сомнения исчезли, и снова огромное счастье волной разлилось в моей груди.

VII

Колокол гудел великопостным призывным звоном, когда я подходила к насилловской церкви. Несколько монашенок из ближайшего монастыря расступились на паперти, давая мне дорогу. Я прошла в мой любимый уголок между большим образом Николая Чудотворца и запасным аналоем. Мне приготавливали всегда стул и коврик на самом почетном месте церкви, но я никогда не стояла там, а забивалась в этот дальний угол по соседству с серыми армяками и поддевками, пахнувшими сапогами, постным маслом и луком.

Сергей накануне еще уехал в Курск, чтобы получить запоздалый транспорт книг.

– Сделай мне выборки, пожалуйста, Наташа, – просил меня теперь часто мой муж, и я делала выборки с большой аккуратностью, желая ему быть полезной и заслужить его одобрение.

Ах, как это было приятно – совместно трудиться таким образом! И я целиком отдавалась этой работе, забыв прежние тщеславные мечты о создании нового произведения, могущего дать мне громкую славу.

Сергей трудился теперь над большим историческим очерком, который хотел в «первую голову», как он сам выражался, пустить на страницах своего журнала. И я ревностно помогала ему в этом, роясь в матерьяле и отыскивая ему необ-

ходимые данные для повести.

Он должен был вернуться сегодня вечером. Чтобы сократить сколько-нибудь время до его возвращения, я прошла из церкви, по окончании всенощной, к о. Николаю.

Отец Николай вдовствовал давно. К нему приезжал каждую весну гостить его сын из духовной Академии. Их домик, белый и чистенький, с зеленою крышей, весь окруженный вишневыми и яблочными деревьями, едва прикрытыми узкими полосками талого снега по ветвям, казался издали игрушечным. К нему примыкал двор, по которому, безмятежно наслаждаясь первым дыханием весны, бродили нахохленные от мартовского холодка куры.

Когда я подошла к крыльцу, с верхней ступеньки, очищенной от снега, поднялась девушка одного возраста со мною, чтобы дать мне дорогу.

– Вы к батю? – спросила она меня приятным звучным голоском.

Я обернулась.

Крестьянки Курской губернии так не говорят. Да и лицо девушки мало подходило к простонародному типу, а, между тем, одетая в простую ситцевую юбку, несмотря на ощутительный холод, обернутая с головою большим теплым платком, она казалась крестьянкой.

– Здравствуйте, – просто сказала она, невольно улыбаясь моему пристальному взгляду, и отодвинула немного со лба платок.

Я увидела небрежно причесанную головку, пепельно-белокурую, и два большие синие глаза, до того красивые, что не залюбоваться ими было нельзя. Худенькое личико с высоким, чересчур высоким для женщины лбом смотрело и внимательно, и насмешливо в одно и то же время. Большой капризно очерченный рот и нездоровая кожа лица покрыли впечатление, но все это лицо, несмотря на болезненный его оттенок от тонких трепещущих ноздрей до углов бледного крупного рта, нельзя было не заметить с первого же взгляда.

«Кто она, эта барышня-крестьянка?» – невольно вертелось в моем мозгу, и вдруг внезапная мысль пришла мне на ум.

– Зоя Ильинишна Дмитровская? – сорвалось у меня удивленно и радостно.

– Вы угадали! – дурашливо ответила она, сощутив свои синие глазки. – Позвольте представиться: слушательница высших курсов, сестра вашего уважаемого отца дьякона. От роду имею восемнадцать лет.

– Наталья Водова, – назвалась я.

– Урожденная княжна Горянина, великосветская барышня! – в тон мне произнесла она.

– Кто вам это сказал? – вспыхнула я.

– Сорока на хвосте принесла столь важную новость... – расхохоталась она мне прямо в лицо.

Ее тон обижал меня, но прекращать разговор с ней мне не хотелось: что-то неудержимо влекло меня к этой странной,

обаятельной девушке. Она точно догадалась о двойственном впечатлении, произведенном ею на меня, потому что сказала совершенно в ином тоне:

– Вы не обижайтесь. Я ведь шалая, так все меня и знают за шалую, и никто не смеет обижаться!

Слова срывались у нее беспечно, по-детски весело, а заалевшееся лицо и смеющиеся глаза, поглядывающие на меня снизу вверх исподлобья, делали ее прелестной. Что-то кошачье проглядывало во всей ее фигуре, тоненькой и гибкой, как у подростка. Меня невольно тянуло поцеловать это оригинальное, милое личико, где мешались и боролись два выражения, не уступая ни на йоту друг другу: одно заискивающее, робкое, чистое, как у ребенка, другое вызывающее и насмешливое.

– Ну, что вы на меня уставились? – неожиданно рассмеялась Зоя, видя, как я приковалась к ней неотступным взглядом. – Садитесь-ка рядом да будем батю ждать из церкви. Вдвоем веселее, – и, заметив мою нерешительность, она добавила насмешливо, – или боитесь шубку запачкать?

Я сконфузилась. Действительно, мое щегольское, модное соболье пальто мало подходило к деревенской обстановке. Но я не хотела упасть во мнении моей новой знакомой и храбро опустила на мокрые ступеньки крыльца.

– Bravo, bravo! – все еще не покидая своего насмешливого тона, воскликнула Зоя, – и вы по-простецки, по-нашему, поступать умеете... Знаете, – помолчав немного и присталь-

но поглядывая на меня, сказала она, – а ведь я вас совсем иною себе представляла.

– Какою же, позвольте вас спросить? – стараясь подделаться под ее шуточный тон, спросила я.

– Совсем иною, серьезно! «Княжна, думаю себе, ну, значит, индюшка: напыщенная, важная, сытая...»

– Да ведь я и не голодная! – улыбнулась я.

И мы обе расхохотались...

– Что вы смотрите так? – смутилась я, заметив ее пристальный, обращенный на меня взгляд. – Я – такая дурнушка, неприятно смотреть на меня!

– Дело вкуса... По-моему, нет. У вас славное, одухотворенное личико. Умное и доброе. Что же вам нужно больше?! Но смолкнем, вон сюда идет о. Николай и его сын Игнаша. Здравствуйтесь, батя! Игнаша, здравствуйтесь! Спешите гостей принимать! – неожиданно крикнула Зоя весело и звонко, и ее голосок далеко разнесся по слободке.

– Что же это ты, бесстыдница, Наталью Николаевну на крыльце морозишь! В горенку бы провела! Ах, ты, стрекоза! Хоть три пары курсов кончай, а такой же растяпой останешься! – не то сурово, не то шуточно выговаривал о. Николай Зое, которая выросла у него на глазах.

– Не сердитесь, батюшка, я с перепугу это, – засмеялась последняя, – как увидела светскую барыню, так со страха ноги подкосились и на крыльцо бух... да так к крыльцу и прилипла! – хохотала она.

– Шалуныня! Разбойница! Вот постой ты у меня! Небось, как войдешь в мой дом, я тебя образую, стрекоза ты этакая! – шутливо грозил отец Николай девушке.

Когда мы, оставив Зою с Игнашей на крыльце, вошли в крохотную приемную священнического жилья, старик сообщил мне, понизив голос:

– Жених и невеста, – кивнул он на дверь. – Давно они любят друг друга, мой Игнаша и Зоинька. Росли вместе... привыкли... На красную горку и свадьбу сыграть хотим. Да только шалая она какая-то, сами видите. Толка от нее не добьешься... все шутками да прибаутками отделяется. Я иной раз сомневаюсь даже, любит ли она меня, а ведь ребенком души не чаяла: «батя» да «батя».. Без «бати» ни шагу. С Игнашей то ласкова, то насмешлива. Слова добром иной раз не скажет, а иногда глядит не наглядится, точно он для нее дороже всего на белом свете. Уж такая уродилась, а умница и работница, хоть куда. Очень я уж люблю ее, как дочь родную! Ведь у меня на глазах выросла, отец ее диаконом здесь служил, Виктор его и заместил. Славный старик был! Да что же это я, чайку-то и не предложу! Баснями соловья не кормят, – вдруг спохватился о. Николай. – Евстигнеевна, давай-ка самоварчик нам сюда, да вареньица малинового, да булочки домашней! – крикнул он кому-то невидимому, заглянув в сени.

И почти тотчас же из сеней вынырнула толстая старая кухарка и домоправительница о. Николая. Она степенно по-

клонилась мне и стала накрывать стол.

– Зоинька, Игнаша, ступайте сюда, чай кушать! – снова крикнул батюшка.

Через минут пять мы все четверо сидели за ярко вычищенным самоваром и пили чай с малиновым вареньем.

Зоя без умолку болтала и трунила над неуклюжим Игнашей. Но глаза ее, помимо воли, казалось, подолгу останавливались на его лице и в них загоралось чувство неизъяснимой преданности и дружбы.

Покидая уютный домик священника, я просила его заходить к нам почаще с сыном и будущей невестой.

Когда я уже подходила к нашей усадьбе, то услышала чьи-то бегущие шаги за собою.

Я оглянулась. Это была Зоя. Она запыхалась от быстрой ходьбы, щеки ее разгорелись, глаза сверкали. Она казалась очень хорошенькой в эту минуту.

– Слушайте, барынька, фу, какие у вас ноги длинные, еле догнала, – тяжело переводя дух, говорила она. – Вы меня к себе звали... Я приду. За книгами приду, ничего что одета, как мужчина... не в платье дело... Страсть почитать хочется, а у вас библиотека большая.

– Так вот вы и приходите, – улыбнулась я.

– И приду. У вашего мужа, говорят, книг-то понатаскано со всей Руси великой. Журнал издавать думаете? Занятно! Приду посмотреть, если пустите...

– Очень рада!

– Вот спасибо! И книжек дать не пожалеете?

– Конечно, дам, – улыбнулась я снова.

– Добрая вы! Еще раз спасибо! Поцеловать бы вас, да смерть лизаться не люблю!

И звонко расхохотавшись совсем почти ребячьим смехом, Зоя кивнула мне головою и стремглав помчалась назад в слободку.

Я долго смотрела, как развевалась и парусила ее ситцевая юбка, как ветер играл прядями ее белокурых кос и хлестал ее по ногам. Мне она очень понравилась своей оригинальностью и заразительным весельем.

VIII

Зоя пришла к нам вечером, дня через два после нашего знакомства, когда мы сидели за чаем.

Игнаша пришел с нею вместе.

Ситцевое платье на этот раз заменили поношенная, но очень приличная черная юбка и темная бумазейная кофточка без талии, в виде мужской тужурки.

– Зоя Ильинишна! Сколько лет мы не видались! – весело поднялся ей навстречу Сергей, протягивая руки. – Поздравляю вас! Вы невеста?

– Спасибо! И вас с законным браком тоже! А я к вам за книгами прибежала, и о журнале поразузнать, – произнесла Зоя. – Вы, говорят, за издание принимаетесь. Можно поинтересоваться?

– Охотно! – согласился Сергей. – Вот после чая...

– Ну, ладно, давайте чай, если уж это так водится, – засмеялась она.

Я передала Зое чашку. Руки у нее были маленькие, изящной формы, но с мозолями, точно от грубой работы, хотя и с тщательно вычищенными ногтями.

За чаем Сергей рассказывал нашим гостям о своем журнале.

– Вот и вы помогите нам, Зоя Ильинишна, и вы, Игнатий Николаевич, напишите что-нибудь хорошенькое. К на-

шему полку прибудет. Жена моя тоже пописывает, – улыбнулся Сергей.

– Вы писательница? – живо заинтересовалась Зоя. – Что же вы пишете? – как мне показалось, насмешливо переспросила она, чуть-чуть сощутив глазки.

– Теперь ничего.

– Вдохновения ждете?

– Просто таланта нет, – произнесла я, краснея под слишком пристальным взглядом.

– Ну, полно, пожалуйста, Наташа, ты еще напишешь много хорошего! Подожди немного!

И, говоря это, мой муж улыбнулся мне так ободряюще и добро, что я снова поверила в свои силы, как и несколько месяцев тому назад.

После чая я повела Зою показывать наше гнездышко.

Она с удовольствием оглядывала нашу, на мой взгляд, очень хорошенькую, но скромную обстановку и с нескрываемым восторгом растянулась на мягкой кушетке в моем будуаре.

– Как хорошо здесь! – произнесла она, жмурясь и потягиваясь, как котенок. – Так хорошо, что никуда бы не ушла отсюда!

– Кто же вас гонит? Оставайтесь! – улыбнулась я.

– Ой, что вы, что вы! – почти испуганно вскричала она. – Сохрани меня, Боже! Здесь хорошо отдохнуть, понежиться после трудового дня, а жить все время в этой роскоши и

в этом комфорте ужасно! Разленишься и работать не захочешь. А ведь я вполне чернорабочий человек. Всю жизнь в труде, зарабатывая копейку. Праздность мне непонятна. И замуж выйду – не перестану трудиться. Курсы окончу, сюда с Игнашей вернемся. Школу здесь заведем, ребяток обучать станем. Лечить мужиков, опять, своими средствами, домашними, а то доктор живет далеко, не может сюда часто наезжать. Вот бы вы согласились помогать нам! А?

– Конечно, конечно! – поторопилась я ответить, – хоть сейчас!

– Ишь вы какая прыткая! Сейчас вот вам и подавай. Небось наголодались без дела-то! Нет, вы мне раньше с курсами моими покончить дайте, чтобы, доучась как следует, иметь возможность и других учить. Потерпите малость. Зато потом, как хорошо будет! Вы представить себе не можете, какое отрадное чувство прийти домой после трудового дня и сознавать, что ты провела свое время с пользой для других и для себя, право славно!

Зоя говорила горячо, увлекательно.

Я слушала ее, затаив дыхание. Эта девушка дала мне выход из того состояния неудовлетворенности, которое владело мною все это последнее время. Она оказалась далеко не тем, что я предполагала – эта тонкая, как былинка, хрупкая, но мощная духом и мыслью девушка с ее глубокими суждениями.

И, когда она уходила с грудой книг, данной ей Сергеем, я

невольюно высказала ей это. Она выслушала меня внимательно и, не дав мне опомниться, быстро обняла меня и порывисто крепко поцеловала в самые губы.

– Вы прелесть, хотя и великосветская барышня! – рассмеялась она. – Вы сами не сознаете, какая вы прелесть!

Я не успела произнести слово, как она уже была за дверью и на весь дом звала Игнашу свежим звонким голоском.

IX

Няня Анна Степановна не терпела Зои. Она не называла ее иначе, как «хвостотрепкой», и отзывалась о ней с какою-то враждой.

– Ишь, а еще ученой считается. Барышня тоже! Кричит на весь дом, ровно на рынке, ходит хуже кухарки последней. Ни встать, ни сесть не умеет. А всех-то в глаза осуждает, высмеет. А по какому праву?! Что она лучше всех, что ли? Что с лица-то смазлива, так и я не хуже ее в молодости-то была!

– Вы, няня, должно быть, красивая были? – спросила я, чтобы сделать приятное старухе.

– Э-эх!.. Что красота-то, крохотка! Не родись красивым, а родись счастливым! А я-то счастлива была, матушка, господ своих берегла, а они меня за это любили да ценили. Дай Бог и другим такого счастья побольше, чтобы жили все припеваючи да в добрых делах исполняли Его святую волю.

Я любила слушать старуху: она всегда успокаивала меня своими нехитрыми речами. К тому же Анна Степановна, вырастившая целые два поколения водовского дома, приобрела много житейского опыта на своем долгом веку. И сколько интересного, сколько правдивого и хорошего узнала я от нее!

Мой муж часто присоединялся к нам, и тогда иной раз до ночи лилась тягучая, но удивительно образная, плавная речь старухи.

– Говори, говори, няня, а потом я все твои рассказы в книге и отпечатаю, – пошутил как-то во время одной из таких наших вечерних бесед с нею Сергей.

– Ну? – усомнилась она.

– Вот Пушкин, такой великий писатель был, чай, слышала, своей няне-старухе целые стихи посвящал, хорошие стихи! Он ей многим обязан, многое из ее рассказов почерпнул он. Вот так же она с ним беседовала в имении у них, как и ты с нами. Вот и я так же поступлю, и прославимся мы с тобой, нянечка, на всю матушку Русь! – обнимая старуху, заключил Сергей.

Впрочем, он редко баловал нас своим обществом. По большей части мы проводили время вдвоем с Анной Степановной. Сергей по-прежнему был весь углублен в свои работы. Писательская лихорадка все еще не покидала его. К тому же дело издания требовало немалого труда и отнимало у него массу времени.

Однажды мы выбрали свободную минутку и пошли с ним пройтись под вечер.

Было около семи часов. Багряный диск солнца садился за лесом, обливая кровавым заревом целую полосу горизонта. Грязно-серые от талого снега поля раскинулись во все стороны кругом «Довольного». Воробьи весело чирикали, отыскивая зерна. На шоссе на дороге то и дело громыхали телеги, утонув до половины колес в липкой весенней грязи. На мне и муже были одинаковые высокие мужские боты, не про-

пускающие сырости. Мы шли под руку, близко прижавшись друг к другу, и молчали. Я не знала, о чем думал мой спутник, но мое сердце радостно билось, как всегда, от одного присутствия любимого человека. К тому же веяние весны, возрождение природы затрагивали лучшие струны моего существа, наполняя всю меня юношескою бодростью и новыми надеждами.

– Скоро Пасха, Наташа, – произнес Сергей, с трудом, как мне показалось, отрываясь от своих мыслей, – а там опять Петербург, бабушка, кухня Лили, кухня Кити, дача в Павловске и вечная сутолока и суета... Ты рада?

– Нет! Ты знаешь, я предпочла бы остаться здесь! – ответила я без малейшего колебания.

– А как же наш журнал? Ведь все надо приготовить к августу...

– Ах, милый! – невольно вырвалось из моей груди, – здесь так хорошо, что не хочется думать о другом...

– И несмотря на мое вечное сиденье взаперти? – вскинул он на меня глазами и, помолчав с минуту, спросил, – ты не сердись на меня, Наташа?

Он был удивительно ласков по своему обыкновению. В последние дни мы виделись мало: ему то приходилось ездить в Курск, то в буквальном смысле слова запирались в четырех стенах портретной. Сегодня он разрешил себе отдых и небольшую прогулку.

Уже поздно вечером, когда окружающие нашу усадьбу по-

ля подернулись прозрачными весенними сумерками, возвращались мы домой. У самой усадьбы два человека – один высокий, широкоплечий, другой маленький, тоненький, по-видимому, мальчик бегали взапуски на лыжах по талому снегу. Они поминутно проваливались по пояс в грязные сугробы и хохотали, как дети.

Увидя нас, маленький человечек закричал нам что-то и отчаянно замахал руками. Мы остановились.

Молодые люди бежали к нам со всех ног. Они были одеты одинаково – в высокие сапоги и короткие крестьянские полушубки. В одном из них мы узнали Игнатия, другой была Зоя. Потертая барашковая шапочка была надвинута у нее на самые брови. Из-под нее выглядывали, поблескивая, ее синие глазки.

– Что за маскарад? – удивленно спросил мой муж.

– А так удобнее бегать по снегу. Мы же с Игнашей, как зайцы, любим это занятие, – смеялась Зоя.

– И не стыдно вам бездельничать? – спросил обоих Сергей.

Игнаша ответил смущенным взглядом, в то время как его хорошенькая спутница так и покатилась со смеха.

– А вы завидуете нам, небось? Ха, ха, ха! Завидуете, господин писатель! Вам бы тоже хотелось попрыгать зайцем по снегу, гораздо больше, нежели сидеть за скучным составлением плана вашего журнала да за чтением чужих рукописей. А только сознаться не хотите. А вот Наталья Николаевна со-

знается, что хотя она и важная птица, а очень бы не прочь была повозиться со мною и Игнашей, поизобразить зайца на грязном снегу. Ведь правда, Наталья Николаевна?

– Правда, – созналась я с невольной улыбкой.

– Так за чем же дело стало? – засмеялся Сергей.

– Их сиятельство ножки промочат, а няня, Анна Степановна, в угол за это поставят и ее, и вас! – захохотала Зоя и, кивнув нам, полетела на лыжах со скоростью птицы.

Игнаша поспешил за нею.

– Милая девушка! – произнес Сергей, – жаль только, что ей не хватает воспитания и выдержки.

– Зато у нее светлая голова и добрая душа, – горячо заступилась я.

Х

Я говела на седьмой неделе. В Страстной четверг мы общались с мужем в нашей скромной слободской церкви.

А весна шла быстрыми шагами вперед. Снег таял. Мутные ручейки с шумом бежали по обе стороны дороги, сверкая в лучах первого весеннего солнца. Апрель незаметно подкрался, светлый и радостный, как праздник счастья. Кой-где белелись ранние подснежники и трава чуть-чуть зеленела, лаская взоры своим влажным блеском. Когда после причастия я в сопровождении мужа, выходила из церкви, унося с собою радостно-восторженное, почти детское настроение, на церковной паперти нас остановил знакомый звонкий молодой голосок:

– Добрый день и добрых пожеланий!

Я оглянулась.

Мне улыбалось еще веселее и беспечнее, чем когда-либо, личико Зои. За нею высилась широкая плечистая фигура Игнатия.

– И мы тоже говели... – щебетала Зоя. – Я на вас всю обедню проглазела, – обратилась она ко мне, проходя со мной к экипажу, ожидавшему нас с мужем у церковной паперти. – Стоите вы вся в белом, такая светлая и лицо у вас светлое; видно, что вы истинно верующая, религиозная, не сбить вас с вашего пути. Как вы горячо молились!

– Правда. Покойный папа научил меня этому: легче живется с молитвой, – говорил он часто. И это неоспоримая истина. Когда тяжело на сердце, стоит только горячо помолиться и сразу как-то становится легче и светлей.

– А разве вам бывает тяжело? – удивилась Зоя. – Чего вам недостает – вы богаты, у вас все есть, муж ваш так вас любит. А знаете ли, вот я угадала, почему вам бывает тяжело?

– Почему? – спросила я Зою.

– Вы скучаете... Ну, да, скучаете от безделья. Вам делать нечего! Или вернее, вы не хотите найти себе работу, вот вам и скучно. Ведь правда?

– Правда! – согласилась я.

Действительно, это была правда. Предположение моего мужа оправдалось. Я скучала здесь в деревне, в этой глуши.

Не того я ожидала, выходя замуж, от моей брачной жизни. Мне казалось, что я буду неразлучно все время с Сергеем, что мы будем работать и гулять вместе целые дни.

На деле выходило иначе. Он работал, запершись целыми днями у себя в портретной. Я скучала одна. Книги меня не прельщали больше. Писать сама я и не решалась больше начинать. Помогать мужу я старалась всеми силами, но дело почему-то мало клеилось у меня и я была плохой помощницей. Просто я неудачница. Неудачница и дурнушка – пришла я как-то к заключению в минуту особенной тоски. Вот Зоя находит, что я скучаю от безделья, какое же дело я могу для себя найти здесь? Школу устраивать она хочет сама. Что же

мне остается делать?

Вот если бы судьбе заблагорассудилось подарить мне ребеночка, маленькую живую куколку, с которой бы я возилась целые дни, вот это было бы настоящее дело.

Мечты о ребенке все чаще и чаще приходили мне теперь в голову. Иметь свое собственное дорогое дитя казалось мне верхом блаженства.

Ах, тогда бы я не томила своей бесполезностью в этом большом доме, я бы сумела вся отдаться заботе о нем. А пока... Пока я заботилась о чужих детях, навещая беднейшие избы Насиловки и раздавая ребятам маленькие подарки. Но здешние слобожане не были особенно бедны и моя благотворительность здесь не имела особого значения. И возвращаясь домой из слободки, я бросалась в кресло, мечтая о том, что и у меня самой рано или поздно, может быть, будет ребенок.

XI

Анна Степановна, заготавливая пасхальные бабы, куличи и пасхи, окончательно сбилась с ног. Когда я предлагала ей свои услуги, она только руками отмахивалась.

– Куда тебе, крохотка! – говорила она, – виданное ли дело, чтобы княжеское дитё в тесте пачкалось, – и продолжала варить, жарить, печь и месить, не покладая рук ни на минуту.

В портретной шла работа иного рода. Сергей окончательно переутомился и должен был уступить моей просьбе взять себе еще кого-нибудь на помощь, кроме меня. Такие помощники нашлись в лице Зои и Игнаши, скромно предложивших свои услуги. На мне до сих пор лежала чисто механическая часть работы – я только вырезала и подклеивала выборки из книг, на которые ссылался Сергей в своем новом историческом труде. Зоя же и Игнатий переводили с латыни ссылки на древних классиков, необходимые моему мужу. Во время рекреационных минуток мы беседовали без умолку; собственно, беседовали они, а я была только неизбежным свидетелем их нескончаемых споров.

Спорили они ежеминутно, с юношеской горячностью. Даже Игнаша, всегда сдержанный и тихий, часто вступал в спор, всегда держа сторону Зои.

Да и говорила она прекрасно, толково и определенно. В ее мудрой головке было столько прочно улегшегося материала,

что в совокупности с молодыми пылкими убеждениями, засевшими прочно в душу Зои, она была находкой для серьезного собеседника, каким являлся мой муж.

Они получали от Сергея плату за свой труд и принимали ее без ложного смущения из его рук. И это мне нравилось ужасно в молодых людях. Особенно Зоя нравилась мне, начиная с ее скромного поношенного платья, которое она носила с видом развенчанной королевы, и до ее обаятельного личика. А между тем где-то глубоко в тайниках моей души я чувствовала какое-то глухое недовольство.

Мне было горько и досадно, что я не могла помогать моему мужу, так как это делали Игнатий с Зоей. Я не знала латыни и не обладала знаниями Зои и Игнатия. Они оба были хорошо образованы. И дополнили свое образование саморазвитием, много читая серьезные научные книги.

Мне было далеко до них обоих, и я признавала это. Признавала также и то, что моему мужу приятно беседовать с ними и вести длинные споры на научные темы. И в душе моей пробуждалось мало-помалу нехорошее чувство зависти. Я бы хотела, чтобы Сергей принадлежал исключительно мне. Мне досадно было видеть его оживленно беседующим с другими на те темы, о которых я имела самое смутное понятие. Мне даже казалось, что в такие минуты он совсем не замечает меня и забывает о моем присутствии. И глаза мои с укором обращались к мужу, и с языка готовы сорваться слова упреков и негодования. Сергей не мог не заметить моего на-

строения, и это его волновало, очевидно.

– И нужно нам было замуравить себя здесь! Я знаю, что ты тут соскучишься! – несколько раз с раздражением сорвалось с его губ, когда мы оставались вдвоем по уходе наших помощников. Можно было бы работать и в городе. Надо было только строжайшим образом запретить принимать наших светских гостей во всякое время. И, наверное, дело пошло бы не хуже, чем в этой пустыне, где ты так скучаешь.

Я предпочитала молчать, не решаясь напомнить мужу, что серьезно работать можно только в уединении, как он сам мне это говорил не раз.

Дело с изданием не ладилось. В Петербурге случилась задержка с прошением по поводу разрешения издавать журнал. Те из сотрудников, которые были необходимы Сергею, ставили невероятно большие условия для молодого дела, и, наконец, последнею помехой являлась я сама, да, я, или, вернее, моя неудача на поприще литературы. Я положительно не могла работать... А Сергей возлагал на меня такие надежды! Он ничего не говорил со мной по этому поводу после того, как прочел мой злополучный рассказ, но я видела по выражению его лица, по всем его взглядам, что он все еще ждал от меня чего-то, все еще не хотел разочароваться в моем призрачном даровании, на котором я сама давно поставила крест.

Это ожидание, этот постоянно, как мне казалось, его вопрошающий взгляд изводили меня, заставляли поминутно

хвататься за перо, но – увы! ничего не выходило. Я вовсе не могла писать.

Зато Зоя работала, как вол. В короткое время она настроила три, четыре статейки. Правда, она не вносила ничего в них самобытного, оригинального за отсутствием таланта, но зато ее вещи, наполненные ссылками на ученый и классический мир, дополненные ее собственными рассуждениями, очень разумными и верными, доставлявшими интересный материал для журнала Сергея.

* * *

Накануне Пасхи наш дом принял праздничный вид. В столовой расставили стол, покрытый белоснежной скатертью и уставленный пасхальными яствами, мастерски состряпанными руками Анны Степановны. Старик Роговцев принес мне чудесное деревцо белой сирени, первый весенний дар наших оранжерей. Деревцо не пахло, но необъяснимой нежностью и чистотою веяло от его прелестных белых цветов.

– Точно ты, моя Наташа! – улыбаясь, произнес Сергей, войдя в столовую, – точно ты: ты не красавица, но сколько невидимого прекрасного кроется в тебе!

Я не могла не улыбнуться, в свою очередь, и недоверчиво покачала головою.

Мы еще реже виделись за последнее время. И я сама избегала общества мужа и его новых помощников. Я дулась,

чувствуя себя обиженной недостатком внимания с их стороны: они, казалось мне, и без меня обходились прекрасно. Я была лишнею и во время работы, и во время их споров и бесед. Но сегодня праздничное настроение захватило и меня. Завтрашняя ли Пасха, или веяние весны, врывавшейся через открытые форточки, не знаю, но на душе становилось легче и веселей. И у мужа, очевидно, все благоприятно устроилось в его деле, потому я давно не видела его таким радостным и веселым. Из Петербурга пришло, наконец, разрешение на издание журнала. Кое-кто из нужных Сергею лиц сами напросились в участники дела. И потом, что было важнее всего, его повесть, над которой он трудился последнее время и на которую возложил столько светлых надежд, была, наконец, закончена. Он обещал дать мне ее прочесть.

– Ты знаешь, признаться, я, было, струсил, – каялся он мне, – что не придется увидеть наш журнал, а сейчас я спокоен.

– Я всегда верила, что ты сумеешь побороть все препятствие, Сергей! – произнесла я убежденно и горячо.

– Потому что ты любишь меня, Наташа, спасибо тебе за это, а кто любит, тот верит. Ты видишь меня в розовом свете, потому что твое чувство ко мне...

– Да, Сергей, – перебила я его, – я люблю тебя!..

Мне так хотелось дать ему понять, как сильна моя любовь к нему, какую громадную жертву приношу я в то время, как уступаю его делу и обществу чужих людей. Но я только креп-

ко пожалала его руку и попросила его прочесть его повесть мне.

Действительно, она заслуживала восхищение. Новая, свежая и горячая, вышла она бодро и просто из-под его пера. Ничего повторенного, старого не встречалось в ней. И способ изложения был совершенно своеобразный, новый. Резкие штрихи, мазки, но до того яркие, что двух-трех таких мазков достаточно было, чтобы схватить характер действующего лица. В ней была сама жизнь как она есть, жизнь бурливая, кипучая, точно река, прорвавшая плотину. Читая эту рукопись, я вся дрожала от охватившего меня волнения, упиваясь и красотой слога, и захватывающим интересом сюжета.

– Дорогой мой, как это хорошо! – искренне вырвалось у меня, когда, с трудом оторвавшись от последней страницы, я бросилась к ожидавшему моего приговора Сергею, – ты так дивно написал это!

– Добрая Наташа, – произнес он с выражением неизъяснимой признательности и ласки, – ты мой друг, спасибо тебе! Посмотрим, что скажут чужие! Они, говорят, лучшие ценители.

– Зоя и Игнаша, например, – сорвалось у меня помимо воли, обиженно и сердито.

Сергей вскинул на меня удивленные глаза.

– Что с тобой, Наташа?! Ты еще никогда так не говорила со мною! Ты нездорова? Взволнована чем-нибудь?

Точно что ударило мне в голову. Мое сердце забилося. Слезы обиды обожгли глаза.

– Я... я... я нездорова? Нет, нет, я просто не привыкла к такому отношению! – почти прорыдала я... – Дома у tante Lise я не чувствовала себя такой одинокой, как здесь... Ты... ты... совсем не любишь меня... И... и... все твое время отдаешь работе и новым друзьям!

И я разрыдалась, упав в кресло и закрывая руками лицо.

Несколько минут длилось молчание. Потом Сергей подошел ко мне. Нежно, но настойчиво отвел мои руки и проговорил серьезным почти строгим голосом, глядя мне прямо в глаза.

– Послушай, Наташа, я вижу, ты начинаешь капризничать со скуки, и это нехорошо. Тем более нехорошо, что слова твои несправедливы. Ты знаешь, что я не могу не работать, это моя профессия, мой труд, наконец. А Игнатий с Зоей мне очень полезны, и ты сама увидишь это, когда твое дурное настроение пройдет. Если же ты находишь, что дома тебе было лучше, то поезжай погостить к tante Lise. Я приеду за тобой через две, три недели. Я отлично понимаю, что с моей стороны было глупо запирать тебя, такую молодую, привыкшую к другой, светской и шумной жизни, здесь в деревне, но, признаться, я считал тебя совсем другою, чуждой суеты и шума большого света. Я думал...

– Что я слишком дурнушка для того, чтобы вести светский образ жизни, – простонала я.

– Перестань, Наташа! – уже совсем строго произнес Сергей, – ты отлично знаешь, что не во внешности дело. А теперь советую тебе перестать плакать и подумать хорошенько о моем предложении поехать рассеяться в Петербург. Ты ещехватишь конец сезона.

– Ты хочешь отослать меня отсюда, Сергей! – чуть слышно прошептала я, готовая снова разрыдаться.

– И это могла сказать моя милая, моя добрая и умная Наташа! – укоризненно проговорил он. – Подумай хорошенько о твоих словах. Ты раскаешься в них очень скоро, Наташа, лишь только найдешь в себе способность спокойно анализировать, дорогая. Я не хочу мешать тебе сейчас в этом. Успокойся! Мне надо идти работать.

И сказав это, он вышел из комнаты.

Мне хотелось броситься следом за ним, попросить у него прощение, сказать ему, что я глупая, смешная, дурная, что я люблю его всею душою, но я осталась, частью из застенчивости, частью из ложной гордости, сидеть в своем кресле и дала ему уйти, в то время как сердце мое разрывалось от тоски и горя.

«От женщины зависит создать семейное счастье» – вспомнила я слова tante Lise и моя душа затрепетала. А я не сумела создать моего собственного счастья! – вихрем пронеслось у меня в мыслях и Сергей меня разлюбит, разлюбит теперь.

И только к вечеру перед тем как идти в церковь, я успокоилась немного. Сергее я не видела до самой заутрени. Он

зашел за мною совершенно одетый, чтобы ехать в Насиловку, и просто, как будто ничего не произошло между нами, протянул мне руку.

Пасхальная заутреня в деревне, среди простолюдыя, окружавшего нас тесным кольцом в нашем маленьком храме, привела меня в умиленный восторг. Даже самая скромность слободской церкви имела свою трогательную прелесть. Светлые ризы, нехитрое пение насиловского дьячка и эта серая толпа молящихся, ласкали душу и навевали в голову хорошие, чистые мысли.

– Боже мой, – шептала я, впиваясь восторженными глазами в образ Спасителя. – Сделай меня доброй и кроткой. Пошли мир и спокойствие моей душе. Дай мне не огорчать Сергея так, как сегодня. Пошли нам счастья, Боже! Молю Тебя об этом всеми силами души!

А кругом, со всех сторон, надвигалась свежая ясная апрельская белая ночь. В ее сквозных сумерках предметы казались цельнее и определеннее, точно рельефные изображения на громадной картине, созданной Великим Мастером. После троекратного «Христос Воскресе» священника началось обычное тихое ликование прихожан. Две или три бабы из слободы подошли ко мне с робким «Христос Воскресе». Я перецеловала их, а за ними почти всю женскую половину церкви, тянувшуюся ко мне с пасхальным приветствием.

Мы возвращались пешком в обществе отца Николая и отца Виктора, его симпатичной молодой дьяконицы, Зои и ее

жениха. Дьяконица болтала без умолку, поминутно прибавляла в разговоре со мною «ваше сиятельство», несмотря на неоднократный протест с моей стороны, к полному восторгу насмешницы Зои.

Мы незаметно дошли до дому, и пригласили всех к нам разговеться.

Пасхальный стол ломился под тяжестью домашних окороков, пасок и печений. Анна Степановна превзошла самое себя. Наши гости воздали должное ее кулинарному искусству.

Зоя и симпатичная дьяконица оживляли все своей веселой болтовней. Я несколько раз вскидывала глазами на Сергея и каждый раз, встречая его добрый, ласковый взор, успокаивалась сердцем.

– Нет, нет, он не разлюбит, он простил, он не судит свою глупую Наташу за ее капризы! – вихрем проносилась в голове моей быстрая мысль.

Когда я христосовалась с ним в церкви он успел шепнуть мне:

– Ну что же, не оставишь меня, Наташа, не уедешь без меня в твой шумный, пестрый Петербург?

Тогда я не успела ему ответить, зато сейчас за пасхальным столом мои глаза говорили за меня то, что я переживала. И снова яркое счастье манило меня своей улыбкой, и я чувствовала себя радостно и хорошо.

А колокола звонили и переливались на тысячу ладов, и не было числа и конца, казалось, этим звукам, зарождавших-

ся в белых сумерках весенней ночи и откликавшимся звонким эхо где-то глубоко, глубоко, в самых сокровенных недрах умиленной души.

XII

Прошло три недели. Весна еще больше выдвинулась вперед, сея невидимой рукою цветы и травы на ожившей почве. Ландыши уже появились; по крайней мере, слободские девчурки приносили их мне по утрам, и няня Анна Степановна уставляла все мои столики и этажерки вазами, наполненными этими чистыми, как детские глазки, ранними цветами. Ландыши благоухали, восхищая меня и дурманя своим нежным и острым ароматом.

Сергей снова жадно набросился на работу... О недавней нашей размолвке не оставалось и следа. Теперь, когда и повесть, не дававшая ему покоя, была окончена, послана в Петербург и одобрена одною из лучших редакций толстых журналов, он вполне мог отдаться делу издания. Нам оставалось всего две недели до отъезда. Квартира для конторы была уже подыскана друзьями мужа, служащий персонал тоже, дача в Павловске нанята, и нам оставалось только ехать туда, откуда поминутно летели деловые призывы участников издания и наших добрых знакомых. Оттуда мне писала и Лили. От ее писем веяло английскими духами и еще чем-то далеким, позабытым из моего недавнего прошлого. «Viens plus vite,¹² – писала она, по своему обыкновению делая неизменную смесь русского с французским. – Я по тебе так соскучи-

¹² Приезжай скорее.

лась, Тася, мне одной не весело выезжать с мис... А ты уехала, покинула нас, злая!»

Она была все та же веселая, праздничная Лили.

Но мне она казалась теперь чужой и далекой, еще больше далекой, нежели раньше. Даже с милой Кити у меня не находилось уже ничего общего, как прежде. Они жили, радовались и горевали, всего в меру, понемножку, но – Боже мой! – какими ничтожными казались мне их интересы на неизменной почве светских условий. Здесь, в глуши, в этом захолустье, лишенном шума и блеска светской жизни, все чувствовалось и переживалось куда глубже и сильнее...

А чувствовать и переживать было что. Сергей ходил хмурый и усталый. Он слишком переутомился. Ему следовало отдохнуть. Даже книжка периодического издания с напечатанной в ней повестью не порадовала его так, как бы мне этого хотелось. Напротив того, он взволновался еще больше, прочитав, или, вернее, проглотив первые страницы.

– Ведь хорошо, сам вижу и знаю, – говорил он, нервно шагая взад и вперед по портретной, – а вот разубеди-ка других, заставь верить, что хорошо!

– Все поверят, Сергей, все убедятся, – протестовала я.

– Ты думаешь? – впился он в меня глазами.

– Я убеждена в этом!

– Ты мой добрый гений, Наташа! – расцветал он улыбкой во все лицо.

В тот же вечер пришли снова работать Игнаша и Зоя.

– Не могу ли я помочь вам? – предложила я свои услуги.

– Ну, нет, Наташа, здесь нужно тонкое знание дела. Придется делать объявление журнала, а для тебя это китайская грамота, – засмеялся Сергей.

– Но ведь Зоя Ильинишна и Игнатий Николаевич тоже не компетентны в этом деле! – проговорила я, уколота в моем ложном самолюбии.

– Ошибаетесь, я имела вечерние занятия в одной из питерских редакций, – вмешалась в разговор Зоя, – и знаю как надо приступать к этому многосложному делу.

– А Игнатий Николаевич?

– О, Игнаше мы дадим черную работу, он нетребователен.

– Но и я могла бы! – слабо протестовала я.

– Нет, нет, вам будет скучно! – безапелляционным тоном решила Зоя. – Вот если бы вы сообразовали чайком нас угостить.

– Хорошо. Я попрошу няню приготовить чай, – сдержанно проговорила я, направляясь из комнаты.

Прежнее глухое недовольство снова бурно заклокотало у меня в душе.

И опять мне стало больно и обидно, что я не могу быть полезна мужу и что совсем чужие люди ему нужнее в его работе, нежели я. Со сдвинутыми бровями и горечью в сердце прошла я в столовую.

– Боже мой, Боже мой! – думалось мне, – неужели я уж такая неудачница уродилась, такая белоручка, что не могу

принести и малюсенькой помощи любимому существу!

Ведь помогала же я ему до тех пор, пока не появились эти двое новых помощников!

И я с несвойственным мне чувством злобы живо воспроизвела в своем воображении образы Зои и Игнаши.

Первая казалась мне сейчас такой навязчивой, дерзкой и невоспитанной, а второй – глупым и безвольным, чересчур покоряющимся каждому малейшему капризу своей будущей жены. И моя злоба закипела сильнее.

Из-за них, – думала я с мучительным волнением, – я не могу видеть так часто, как бы хотела, Сергея. Они вечно сидят в портретной и если не работают, то ведут с ним ученые разговоры, мало понятные мне. А я одинока. Постоянно одинока в этом большом доме и никогда никто не поймет меня здесь.

И вдруг внезапная мысль пришла мне в голову: что, если все происходит потому только, что я дурнушка? Ведь обладай я хорошеньким личиком Лили или Кити и выйдя я замуж за моего мужа при таких условиях, наверное, он не завез бы меня сюда и не спрятал в эту глушь, а вывозил бы на балы и рауты в Петербурге, гордясь моей грацией и красивой внешностью!

Да, да, это так! растравляла я еще больше свою рану, хотя внутренний благоразумный голос нашептывал мне другое.

– Стыдись, Тася, – говорил мне этот голос, – ты выдумываешь ужасные вещи и создаешь из мухи слона. Ты отлично

знаешь, что твой Сергей добрый и умный человек и прежде всего видит твою душу.

– Нет, нет! – исступленно возражало мое зашедшееся от негодования сердце, – это так, это так! И я не хочу думать иначе.

– Скажите, няня, Сергею, что я не выйду к чаю, что у меня болит голова! – неожиданно резко обратилась я к старухе, хлопотавшей со мною у чайного стола, и вышла из комнаты, демонстративно хлопнув дверью, чтобы запереться у себя.

XIII

– Можно войти? – услышала я в тот же вечер голос моего мужа у дверей, когда я полулежала с книгой на кушетке в моей комнате.

Мне хотелось притвориться спящей и не ответить ему, но та же злая сила, подмывавшая меня своей темной волною весь этот вечер, шепнула мне и сейчас:

– Нет. Открой ему и потребуй от него объяснение всех его поступков.

И я вскочила, отворила дверь моему мужу. Он вошел, как ни в чем не бывало. На нем было его верховое платье. В руках хлыст.

Сергей редко ездил верхом. Ему было некогда делать это, благодаря постоянным работам, поэтому я очень удивилась, увидя его в верховом костюме.

– Ты едешь верхом? – спросила я его.

– Да, хотелось бы освежиться... Зоя Ильинишна ушла домой, и мы с Игнашей решили прокатиться немного.

– Опять с Игнашей! – вырвалось с нескрываемой злобой у меня.

– Что с тобой, Наташа?

– Я не совсем здорова!

Я не лгала; действительно, голова моя кружилась так, что, казалось, почва уходит из под ног. Злая сила забушевала во

мне снова.

– Неправда! – вырвалось у Сергея так внезапно и порывисто, что я вздрогнула от неожиданности, – неправда! Ты никогда не умела лгать, Наташа, не лги же и теперь... Ты сердишься на меня за... мою работу совместно с этими людьми, завидуешь их трудоспособности, наконец. Нехорошо, Наташа! Не ожидал я такого неблагоразумия от тебя!

Он взял мою голову обеими руками и, откинув немного назад, впился в мои глаза долгим, пронизательным взглядом.

Но это не вернуло мне моего спокойствие. Напротив, его упрек уколол меня.

– Да! – вскрикнула я со стоном и слезами, – я завидую! Ты не ошибся! Завидую, потому, что ты слишком мало заботишься обо мне, и тебе нет дела до меня! Ты меня разлюбил.

Он выпустил мою голову из рук, и в минуту лицо его стало холодным и суровым.

– Наташа! – проговорил он после минутного молчания, – ты знаешь, Наташа, я неспособен на ложь! Я слишком высоко ценю себя и свое достоинство. Если бы это было так, то я сказал бы тебе об этом. Слышишь, Наташа, я никогда ничего не скрою от тебя, никогда! Скрывать и лгать значит трусить. А я не трус и ненавижу трусость в самой ее основе. А ты просто капризничаешь с некоторых пор и упорно не желаешь меня понять.

– Я капризничаю, я?

Что-то темной кипучей волной хлынуло мне в душу и обожгло ее. Внезапный новый прилив безудержного гнева затопил сердце. Я задрожала с головы до ног и, вся красная от волнения и злости, заговорила, возмущенно впиваясь негодующими глазами в лицо моего мужа.

– Ага! Я капризничая! Да! Так вы находите это?! А я нахожу другое! Я нахожу жестокое, дурное, недостойное отношение с вашей стороны ко мне! Вы привезли меня сюда, оторвав от моих родных, вырвав из того круга, к которому я привыкла, заперли одну здесь в глуши, лишив общества не только моих родственников и друзей, но и своего собственного. Да, да, да! Это так!.. Вы предпочли меня каким-то чужим, незнакомым людям, которых я и знать-то не хочу, и с которыми у меня нет ничего общего. Вам приятнее быть с ними, нежели со мною! Да! Приятнее, потому что я ничто для вас, ничто!

– Наташа! Что с тобой!? Наташа!.. – почти с ужасом произнес мой муж.

Но я уже ничего не понимала, ничего не чувствовала.

Я точно катилась под гору. Огромное возбуждение и злое негодование охватывали меня все сильнее и подчиняли себе.

– Да! Да! – раздражаясь, злыми слезами рыдала я. – Не оправдывайтесь, я знаю! Я знаю, что я, дурнушка-Тася, ничто для вас! Что вы стыдитесь меня, моего безобразия, моей глупости. Конечно, я не знаю латыни, нас не учили этому в институте, но это еще не значит, что можно предпочесть мое

общество каким-то проходимцам.

– Наташа! Опомнись, что ты говоришь! – послышался уже строгий голос Сергея.

Но опомниться я уже не могла.

Слезы текли ручьем из моих глаз, губы сводило судорогой, а та же темная сила бушевала в душе.

– Но я не буду мешать вашей дружбе с ними, вашей совместной работе, – рыдала я, как иступленная. – Успокойтесь! Не буду вам мешать. Я уеду к tante Lise и буду вас ждать там, когда вы вспомните обо мне, и вернетесь! Да, я уеду завтра же, мне надоело быть в роли позабытой! Надоело! Да!

Я закрыла лицо руками и уткнулась им в спинку кресла, тихо рыдая.

Наступила пауза. Мне показалась она бесконечно длинной, но, должно быть, молчание продлилось всего несколько секунд.

– Бог с тобой, Наташа, – послышался снова голос моего мужа, – я уверен, что ты одумаешься и поймешь всю несуразность твоих слов и упреков. А, впрочем, если ты желаешь все-таки уехать на время к твоим, я ничего не имею против. Видишь, я был прав, предполагая, что ты соскучишься здесь.

И, сказав это, он вышел из комнаты.

Я слышала, как удалялись его шаги, как прозвучал его голос, обратившийся с каким-то вопросом к поджидавшему его Игнаше и затем все стихло.

Я бросилась к окну, распахнула его. Весенняя ночь дох-

нула мне в лицо ароматной лаской и освежила мою пылающую голову. Я высунулась в окно. Со стороны конюшни во дворе отъезжали два всадника, рельефно выделяясь на фоне летней ночи. Подковы лошадей гулко ударяли о землю. И вдруг сердце мое сжалось до боли...

– Останься со мною, Сергей, прости меня! Побудь со мною! Я виновата перед тобою, – хотелось мне крикнуть вслед уезжавшему мужу.

Но было уже поздно. Всадники скрылись за оградой усадьбы и где-то далеко теперь звучали подковы их лошадей.

XIV

Это была мучительная ночь. Оставшись одна и успокоившись немного, я поняла всю нелепость моего поведения.

О, как я была не права!

Мой муж идеальный человек в мире и виноват передо мною только тем, что родился писателем. А разве это вина? Сергей труженик, привыкший работать, я – светская барышня, не имеющая ни малейшего понятия о труде. И я могла упрекать его в недостатке внимания, его, всегда заботливого, ласкового и нежного ко мне. Что если он рассердится теперь за мою нелепую сцену и разлюбит меня? Переменится к своей злой Наташе? О, я не переживу этого ни за что, никогда!

Я невыносимо страдала. Упав грудью на подоконник и вперив глаза в серый сумрак майской ночи, я шептала, как безумная:

– Прости меня, Сергей, прости! Даю тебе слово, что ничего подобного не повторится между нами. Я буду благоразумной и доброй, буду достойной твоей любви. Я дождусь твоего возвращения, встречу тебя и скажу тебе это! Скажу, как опять жестоко неправа была я с тобой. Простишь ли ты меня, Сергей, дорогой мой?

Как-то, сама того не замечая, я уснула тут же у окна, со склоненною на подоконник головою.

Не знаю долго ли пролежала я так без всяких сновидений,

в неудобной позе, с отекающими руками.

Прикосновение чего-то легкого к моему плечу разбудило меня. В первую минуту я ничего не поняла, где я, наконец, что со мною.

Передо мною в утреннем рассвете вырисовалось чье-то бледное, как смерть, испуганное и взволнованное лицо.

И тут же словно тупым коротким ударом ударило меня по сердцу.

– Игнатий Николаевич, что с вами?

Дрожащие губы Игнаши пролепетали чуть слышно.

– Несчастье... Наталья Николаевна... лошадь понесла вашего мужа... сбросила и он расшибся... там лежит у реки... Не знаю жив ли...

И Игнатий зарыдал, как ребенок.

Дикий крик, полный отчаяния, вырвался из моей груди.

Я вскочила с кресла. Мои ноги дрожали и подкашивались. Сердце замерло без биения. Голова кружилась.

– Он умер? – схватив за плечи стоявшего у окна Игнатия и тряся их изо всей силы, прошептала я, задыхаясь.

– Не знаю... Ничего не знаю... – прорыдал несчастный, – там... лежит у реки... Я к вам... О, Господи! Несчастье какое...

Я глухо вскрикнула и, быстро соскочив с подоконника, кинулась в сад бегом от окна, не слыша и не понимая, что кричал мне вслед Игнатий.

Я бежала долго-долго, потеряв представление о времени

и расстоянии; мои ноги вязли в рыхлой от весенней влаги почве, но я не чувствовала усталости.

Далеко за мною осталось «Довольное», слободка и сосновая роща, а я все бежала и бежала, не останавливаясь ни на минуту. Где-то невдалеке блеснула светлая полоска реки... Она точно манила меня своей сверкающей на солнце зеркальной поверхностью. С быстротою птицы достигла я ее и бежала теперь вдоль ее берега, скользкого и топкого, чуть зеленевшего первой травой, рискуя ежеминутно сорваться и полететь в студеную, свежую воду.

Страшный шум в голове мешал сосредоточиться мыслям, сердце стучало так, что я чувствовала боль от его сильного, точно удары молотом, выстукивания. Во рту был какой-то прогорклый вкус, какой бывает при болезни, а в груди накипала какая-то жгучая, клокочущая огромная пена, преграждая мне дыхание, надавливая горло... Ноги подкашивались... Вот-вот, казалось мне, я упаду, обессиленная, измученная до последней степени. Но все-таки бежала, подхлестываемая непонятной силой, уносившей меня все вперед и вперед...

Вдруг я увидела что-то темнеющее невдалеке на берегу реки...

– Сергей... неподвижен... Он мертвый!.. – вихрем пронеслось в моих мыслях.

И жгучая почти физически ощущаемая боль отчаяния пронизала, словно калеными иглами, все мое существо...

Какой-то черный, липкий, грязный поток нахлынул, подхватил и завертел меня... Голова закружилась... Я оступилась... Ноги соскользнули с берега и я, без чувства, без мысли, без стога, упала, потеряв равновесие, вниз, в холодные, с плеском расступившиеся подо мною воды реки...

XV

Ночь, глубокая, беспросветная поглотила меня... Я не чувствовала ни ужаса, ни боли... Мысль отказывалась слушать... Даже инстинкты страха перед смертью молчали... Молчало все...

Сколько это длилось – не помню...

Я открыла глаза от нестерпимой боли... Какие-то страшные тиски болезненно сдавили мне грудь... Кругом меня толпились люди; они кричали что-то и качали мое распластанное, обессиленное тело, поминутно встряхивая его как вещь. Это трясение и вызвало адски мучительную боль в груди и внутренностях. Лица моих мучителей были сосредоточены и суровы. Впрочем, они напоминали мне скорее не людей, а морских чудовищ с мокрыми волосами, со впутанными в них илом и водорослями, и в прилипших к телу одеждах. Мучительный холод пронизал меня всю насквозь. Что-то сильнее и сильнее надавливало грудь. Дыхание сперлось. Мне казалось – смерть приблизилась и встала у моего изголовья...

И вдруг теплая волна, окрашенная кровью, хлынула из моего горла. Я потеряла сознание...

Ночь продолжалась... Но я не слышала больше ни шума, ни криков, не видела страшных чудовищ, раскачивавших мое тело, с суровыми сосредоточенными лицами. Напротив,

чь-то незнакомое и доброе старческое лицо склонилось к моему изголовью...

Это лицо я видела где-то... кажется, на вратах алтаря той церкви, где нас венчали с Сергеем. Но лицо этого седого, похожего на евангелиста человека, казалось мне чудно-знакомым и странно-дорогим. И, когда это лицо склонялось ко мне, мне хотелось бесконечно продлить присутствие незнакомого существа как можно дольше у моей постели. Он клал мне на голову большую сухую и теплую руку, и ночь в моей душе прояснялась при одном этом прикосновении и заменялась днем... Потом еще более знакомые черты, добродушные и милые, представали передо мною, их я узнала сразу – это была няня.

Я окончательно пришла в себя, наконец, чудесным летним утром, открыла глаза и сознательно-ясно обвела ими комнату. Из груди двух людей вырвался один общий вздох облегчения. Я посмотрела в их сторону. Они оба – и няня, и мой чудесный седовласый старик – бросились ко мне, и в глазах их я увидела такое яркое, такое бесконечное счастье, что мне самой стало радостно и хорошо на душе.

– Слава Богу, вы здоровы! – произнес радостно-умиленный голос незнакомца.

– Кто вы? – не сводя с него взгляда, спросила я.

– Тот, кто желает вам от всего сердца всего хорошего, – с чарующей улыбкой шепотом произнес он.

– Не говорите, я все равно знаю! – тоже почему-то ше-

потом произнесла я, – вы посланник неба, не правда ли? И должны знать, у вас ли, в раю мой муж?

Он тревожно взглянул мне в лицо.

Он, должно быть, боялся, что я брежу опять, но мое лицо выражало столько сознательной радости, столько счастливо-го покоя, какой только может быть у труднобольного, впервые почувствовавшего заметное облегчение...

– Мой муж у вас? – повторила я.

– Успокойтесь, ему лучше, он поправляется.

– Так, значит, он жив?!

– Жив, крохотка, наш Сереженька... – поторопилась ответить няня.

От счастья я снова лишилась чувств...

С этого дня я стала быстро поправляться.

Чудесный старик оказался доктором Львом Ивановичем Сурским, выписанным из Курска в тот же день, когда меня, бесчувственную, полумертвую, вытащили из реки слободские крестьяне. Я пролежала, оказывается, две недели от сильного нервного потрясения... Но он собственными руками вырвал меня из цепких рук смерти, едва выпустивших захваченную было уже ими добычу. Зато между мною и доктором образовалась какая-то тесная духовная связь. К нам еще примкнула няня, выходившая меня собственными руками, как только может выходить мать своего больного ребенка. Вся жизнь нас троих сосредоточилась здесь, в этой светлой комнатке, с веселенькими обоями, пропитанной чуть замет-

ным ароматичным куревом, заглушавшим неизбежный запах лекарства.

Теперь все мои мысли сводились к одной: как можно скорее выздороветь, чтобы ухаживать за выздоравливающим мужем.

Оказывается, он, сброшенный в ту роковую ночь неожиданно взбесившейся лошадью, отделался глубоким обмороком, принятым Игнашей за смерть, и сильным вывихом ноги, ради которого и был прикован к постели. Я искренне верила тому, что это было возмездием мне за все дурные побуждения и склонила голову перед этим справедливым наказанием меня судьбой.

Доктор Лев Иванович принял на себя роль посредника между нами и переносил от меня к моему Сергею и обратно поклоны и те неуловимо заботливые добрые пожелания, которыми могут обмениваться близкие любящие друг друга люди.

Наконец я встала с постели.

Встал единовременно со мной и Сергей.

– Вам можно нынче повидаться с супругом. Вы уже достаточно оправились для этого, – сказал мне как-то Лев Иванович, когда я уже начинала бродить по комнате, то и дело присаживаясь к окну и вдыхая теплый майский воздух.

– Боже мой! Но только не здесь! Позовите его в сад, в липовую аллею, я сейчас же приду туда... Здесь страшно пахнет лекарством, а мне хочется увидеть его после такой дол-

гой разлуки при более праздничной обстановке.

Он пожал мне руку и пошел исполнить мое поручение.

Оставшись одна, я подошла к зеркалу поправить волосы. Я исхудала во время болезни, но это шло ко мне. Глаза блеснули ярче, кожа на лице стала бледнее и прозрачнее... Какая-то неуловимая печать легла на лоб и давала новое освещение всему лицу, ставшему осмысленнее, серьезнее и значительнее.

Я наскоро погладила срезанные во время болезни волосы и, опираясь на зонтик, медленно, шаг за шагом направилась в сад.

У дверей портретной меня встретила няня.

– Матушка барынька моя, деточка моя, Христова страдалица, – кинулась она ко мне, – крохотка моя, Слава Богу, поправилась ты у нас! Родная ты наша!

Старуха целовала мои руки, обливая их потоками слез. Я горячо обняла ее и поспешила к мужу с сильно бьющимся сердцем.

XVI

Лето стояло теплое, роскошное. Изумрудные стрекозы, блестя в майском солнце серебром своих крылышек, порхали в воздухе, производя свой чуть внятный меланхолический шум. Пестрые бабочки, бесшумные, как эльфы, купались в глубоком эфире. Нестерпимо пряно пахло цветущей сиренью. В липовой аллее было сумрачно и прохладно.

В ожидании Сергея я присела на скамью под старой развесистой липой. Мне хотелось собраться с мыслями, подумать о событии, перевернувшем весь прежний строй моей жизни. Я волновалась, как никогда...

– Наташа! Милая Наташа!

При звуке дорогого голоса я подняла голову и с тихим криком упала на грудь мужа.

– Прости меня, прочти! Прости!

Сергей стоял передо мною взволнованный, бледный, осунувшийся и похудевший, каким я его еще никогда не видала.

– Наташа, бедная моя Наташа! Мне не в чем прощать тебя, я только могу любить и лелеять тебя! – нежно окружая меня своими объятиями, сердечным ласковым голосом, говорил мне муж.

От этого слишком знакомого, бесконечно дорогого голоса мое сердце забилося сильно, сильно.

– Ты жив, ты здоров! ты со мною! – шептала я, – какой

безумной, была я тогда! Какую неправой и жестокой, Сергей, родной мой, дорогой и любимый мой муж!

Он ласково глядел на меня.

– Наташа, милая Наташа, не будем вспоминать тяжелого промежутка в нашей светлой жизни, – произнес он тихо и ласково, – верь мне и знай одно: ты всегда была мне дорога, бесконечно дорога, моя Наташа! А теперь станешь еще вдвое дороже, потому что ты так своей болезнью настрадалась из-за меня!

XVII

Год, целый год прошел с этого дня.

Снова лето и мы снова в нашей усадьбе. И не мы одни – с нами есть еще кто-то третий, бесконечно милый и дорогой обоим нам.

Жара нестерпимая, но под шатром густолиственной липы хорошо и прохладно...

Я лежу на садовой скамейке и вполне предаюсь созерцанию того, что составляет цель и радость всей моей жизни...

«Его» колясочка тут подле меня, но она пуста. «Он» сам улыбается мне с рук няни, розовый, толстенький, чудесный ребенок.

Да, именно, чудесный, мой Мики, мой первенец, мой голубчик, красавчик мой!

Он смеется, потому что белый чепец, на голове няни, той же старой, милой, дорогой няни, вынянчившей моего мужа, кажется ему чудно-прекрасным!..

Теперь я не знаю, что значит скука... Не завидую трудоспособности Игнаши и Зои, помогающим по прежнему работе по редактированию журнала моего мужа.

У меня самой теперь столько работы, ну, столько работы и хлопот!

Надо кормить Мики, укачивать, перепеленывать его, шить ему рубашечки, платьица, чепчики! Все это лежит на

моей обязанности и я ни за что не поделюсь ею ни с кем. Разве только с няней Анной Степановной и то скрепя сердце, чтобы не обидеть старушку.

Зиму мы провели в Петербурге, потому что издательские дела требовали там присутствия моего мужа.

Но зато лето вполне наше. И мы решили приезжать сюда ежегодно, поручая дело «Идеального» журнала временно помощнику Сергея, чтобы дать возможность окрепнуть нашему мальчику на чудесном деревенском воздухе.

Дверь террасы хлопнула вдали.

– Сереженька идет, крохотка, – объявила няня и, сорвав большой придорожный лист лопуха, стала отгонять им комаров от личика Мики.

– Да, это Сергей.

Он идет к нам своей бодрою легкой, юношеской походкой и улыбается нам издали.

– Красивая картина! – кричит он весело, охватывая одним общим любящим взором меня с моим Мики на руках.

– Если бы ты только знала, как ты трогательна и хороша в твоей материнской любви, Наташа! А мы июльский номер приготовили, посылаем в Питер, – говорит он через минуту. – В нем будет напечатано мое стихотворение «Мать и дитя». Я посвятил их тебе и Мики, моя Наташа!

Мой муж склоняется к ребенку и целует его влажный от жары лобик.

Сердце мое преисполняется благодарности к Сергею.

Мики всего семь-восемь месяцев, а ему уже посвящаются стихи. И кем же? Одним из лучших писателей нашего времени.

Мои глаза сияют. Улыбка разливается по лицу.

Я счастлива большим сознательным счастьем. Я знаю теперь одно, что ни удовлетворенное тщеславие, ни красота, ни успех – ничто не сравнится с этим чудесным, дивным чувством материнства.

– Мики! – шепчу я с пылающими щеками, сильным, окрепшим голосом, когда мой муж отдохнув немного с нами, снова идет работать в дом. – Люблю тебя безгранично, мой мальчик! – и я прижимаю головку ребенка к груди.

Темные волосенки, чуть завивающиеся в мягкие колечки, щекотят меня, а глаза, синие, влажные, прекрасные, как у его отца, смотрят, как мне кажется, не детски сознательно и умно...

Весь он, маленький, беспомощный, милый, тут около меня, у моего сердца...

И с каждым взглядом его синих глазенок, с каждой улыбкой крошечных губок, я чувствую новую волну новой силы, вливающейся в меня могучим и быстрым наплывом.

Я острее, чем когда-либо, сознаю мое счастье, когда люблю Мики.

Я – мать, и это сознание наполняет всю мою душу невыразимым блаженством... Я любима, пусть теперь только инстинктивно, потом буду сознательно безгранично любима

этим крошкой, моим сыном... Эти глазки впервые блеснут сознательно для меня одной, эти ручонки обовьют мою шею в горячем порыве сыновней любви.

– Мой Мики, мой первенец, мой единственный и любимый! – шепчу я, почти задыхаясь от жгучего порыва материнской любви.

Слезы счастливые, радостные, блаженные текут по моим щекам и падают на темное темечко, на розовые щечки моего ребенка, моего Мики...